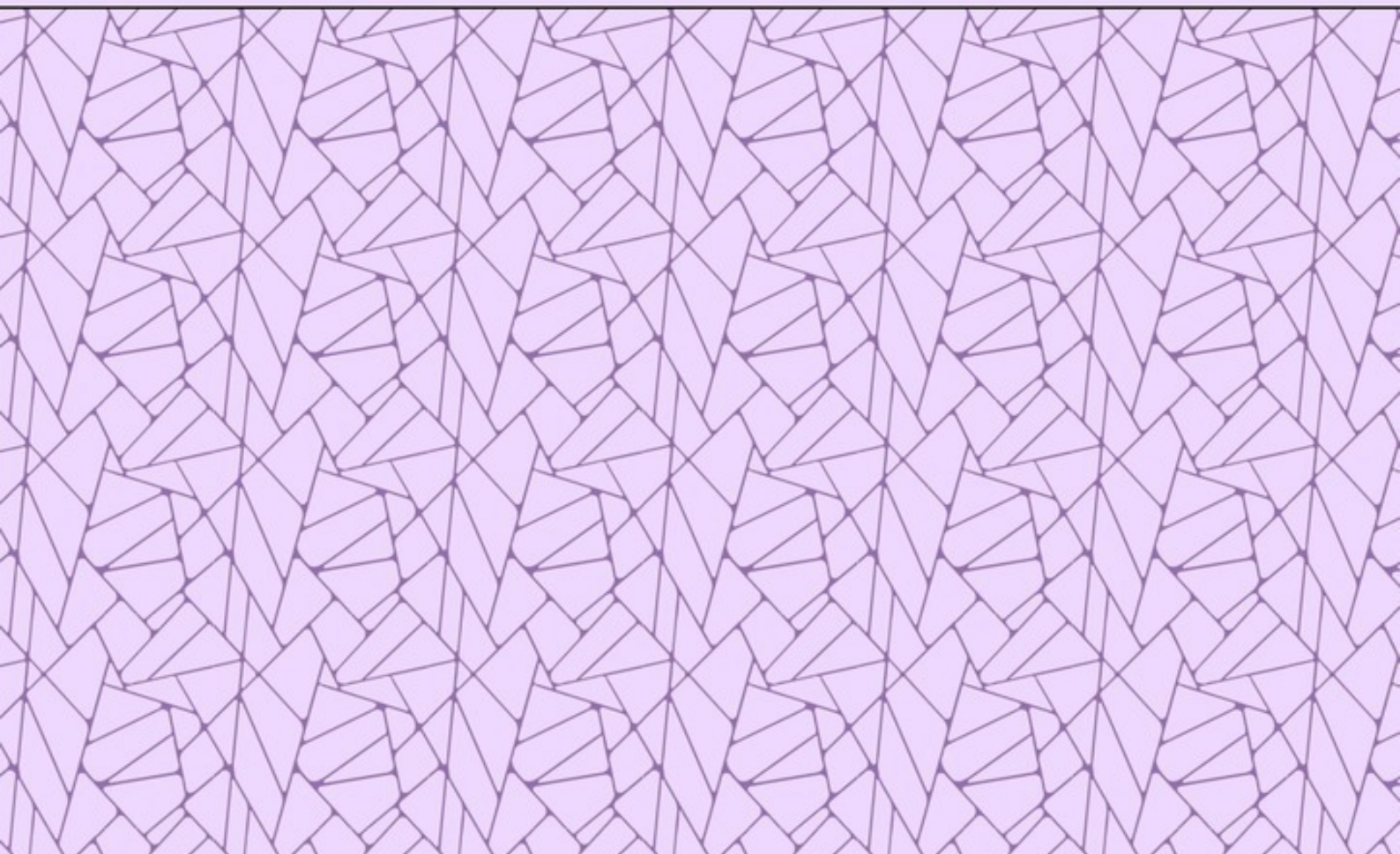

Талина Март

*День накануне
Ивана Купалы*

Книга первая

Талина Март

**День накануне Ивана
Купалы. Книга первая**

«Издательские решения»

Март Т.

День накануне Ивана Купалы. Книга первая / Т. Март —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834600-2

Роман-сказка «День накануне Ивана Купалы» предназначен для домашнего чтения. Главные герои книги — два мальчика десяти-одиннадцати лет — Стасик, Дима и восьмилетняя девочка — Диночка. Случилось так, что у отца Стаса — офицера-подводника — изменился график отпусков. У мамы отпуск этим летом даже не планировался. И родители, озадаченные летним отдыхом сына, вынуждены были послать его на каникулы к знакомой хозяйке Валентине Николаевне.

ISBN 978-5-44-834600-2

© Март Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	12
Глава V	14
Глава VI	17
Глава VII	20
Глава VIII	24
Глава IX	26
Глава X	32
Глава XI	36
Глава XII	39
Глава XIII	42
Глава XIV	44
Глава XV	49
Глава XVI	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

День накануне Ивана Купалы
Книга первая
Талина Март

© Талина Март, 2016

ISBN 978-5-4483-4600-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава I

За десяток с хвостиком, лет жизни Стасик никогда не видел свою спокойную милую маму такой рассерженной, как тогда, однажды, в середине мая. В то утро отец пытался донести до супруги мнение командиров о его летнем отпуске. И мама возмутилась так, что случился серьёзный разговор.

– Я так и знала! – сказала она с сердцем. – Мы всё говорили, думали – как с деньгами, как чего, а я знала! Я чувствовала, что всё впустую, всё!

Отец и сын не вмешивались. Молчали, напустив на себя тихую бестолковость подневольных людей.

– И главное! Опять ты! На весь флот. У тебя что – ни семьи, ни дома? Одно море?

Папа хотел возразить и открыл, было, рот, но, подумав, закрыл его.

– Мы и так всё время ждём чего-то. Ждём, когда ты вернёшься, ждём, когда зима закончится. Ждём, когда ты снова уйдёшь, чтоб вернуться, ждём лета, ждём тепла, ждём отпуска. Все ждём. А они? Раз-два и решили! Разве можно? Так поступить...

Похоже, у мамы не хватало слов. Она опустила в кресло и, не закрывая лица, заплакала.

Стасик, увидав бусинки слёз, побежавшие из маминых глаз, почувствовал, как и у него накатило к носу.

Ему стало жалко маму, себя, отца. Жалко отцовского летнего отпуска – что он, как это иногда бывает у военных, переносится на неопределённо-отдалённый осенне-зимний период. А какие были планы! Стасик замер, борясь с желанием хлопнуть носом. А отцу, похоже, мамины слёзы помогли собраться: он сбегал на кухню, принёс воды и, присев у кресла, стал успокаивать жену. Он бормотал ей что-то, как большой и умный, и всё пытался угостить маму водичкой, словно, если она попьёт, вопрос решится сам собой.

– Что делать? Марусенька. Кто знал, что этот бродяга Иванишин ногу сломает! На ровном пирсе! Шёл-шёл, упал, очнулся – гипс. Вот кого жалеть надо. У него жена с детьми ещё когда уехала! Ты же в курсе: там аллергия, страшная, причём. И Сашке как? Выйдет из госпиталя на трёх ногах, а квартира – на пятом. Он тоже думал – последний поход перед переводом, у дочки его... ну, ты знаешь...

– Да не аллергия у неё! Астма! – взорвалась мать. – Это у меня аллергия на эту службу, на Север твой Крайний! На походы твои! Когда они закончатся?! – запричитала она, подвывая.

– Ты попей, Манечка. Попей, – твердил отец, всучив таки матери чашку.

И, коленапоклонённый, полез обниматься.

Стасик втихаря потянул забитым носом и отвернулся к окну.

Суббота – парко-хозяйственный день. Мичман Кириканич с подразделением боролся с прошедшей зимой. Бороться было с чем: на календаре – май, а снеговые кучи почти не осели. Их разбрасывали, увозили на листе фанеры – волоком, за автопарк, в глубокий ледяной провал, где снег лежал и зимой, и летом. Севера.

Сзади слышалось убеждающее:

– Точно, обещали. На всю семью! Всё нулёвое! Кормят на убой. Из наших ещё никто. Комдив через месяц, а я – как вернусь. Захотела – гуляй, захотела – читай. Горы! Красота! Природа, фуникулёр, лыжи-сани, снега валом! Слышь, сын?

Стас глянул вполоборота.

– Снег! – обречённо вскрикнула мама. – Опять снег!

Плеснула разлитая вода, чашка упала на палас, но не разбилась, а, покрутившись, остановилась у ножки столика.

– Ты что, смеёшься! Нашёл чему радоваться?! Снегу! Да грош цена их путёвке! А потом, ну, ладно – ты. Тебе сказали – ты козырнул и пошёл. Ну, ладно – я! Но мальчишка-то в чём виноват? Нельзя же так, он должен бывать на солнце! Он растёт! Это ж безобразие! Как ты понять не можешь? Снегом удивил!

Папа, сидящий на полу, поджал губы и закивал головой, всем своим видом показывая, что мама права: ребёнок растёт, а это безобразие. И он, и сын уже готовы были улыбнуться, но мать стукнула кулачком по мокрому пятну на юбке:

– У тебя всё шуточки, всё отговорочки. Мы живём на вечной мерзлоте. Мальчишка годами не видит солнца. Когда мы были на юге? Последний раз – два года тому назад. Ему было семь, а теперь десять. А он не шенок, он – ребёнок! И не только мой, кстати. Ему нужен витамин Д. А у тебя – одна служба. Вот мы побывали на море, и он всю зиму не чихнул, не кашлянул, а эта последняя зима – грипп, отит, тонзиллит два раза, у него прыщи, у него сыплются зубы.

Папа вздохнул, пытаясь сказать, но слова ему не дали.

– Да, всего одна пломба, но ему только десять. А что будет через два года?

– Дык, – вклинился отец, – через...

– Да, через два года нас должны перевести, но здоровье его закладывается сейчас, а он белый, как полярная сова.

Мужчины потупились и даже приуныли, осознав трагизм дальнейшей Стасиковой судьбы. Хотя жёлтые глаза папы по-прежнему были разбойничье-весёлые, и Стас старался не глядеть в них, чтобы не фыркнуть.

«Ребёнок должен видеть солнце. А что здесь – лета не бывает, что ли? Пустяки, что Заполярье, зима только десять месяцев».

Помолчали. Но мама была не из тех, кто сдаётся без боя. Она подумала, сведя бровки, и, глядя в одну точку, сказала то, что от неё никак не ожидали:

– Поскольку Стаськину путёвку в лагерь мы сдали, поскольку к бабушке в Нерехту его нельзя – у бабушки сердце, – то мы сделаем вот что: мы дадим... Нет. Мы вызовем на разговор тётю Валю. Она говорила, к ней присылают знакомые детей. Надо поговорить с тётей Валею. И если она согласится взять Стаса к себе хоть на неделю, то мы должны отправить его к ней, на юг. К нормальному тёплому морю, на фрукты, молоко и солнце.

Мама говорила, а ладошка её сама по себе заглаживала складку юбки на колене, там, где было мокрое пятно; закладывала и заглаживала.

– Маняшенька! – возопил отец, – умничка! Я знал, что ты всё придумаешь! Я и Стасу говорил: мама у нас – голова, она найдет выход, скажи, сын?

Папа всё стоял на коленях перед мамой, но, протягивая руку к Стасу, подмигивал ему, призывая в свидетели. Стаська не помнил никаких таких слов, зато вспомнил, что отцу на футболе здорово залепили по коленке. И он решил помочь ему подняться, но вначале папа поцеловал маму, мама поцеловала папу, а потом родители с обеих сторон звонко чмокнули Стаса.

Нарадовавшись, что всё так славно решилось, дружная семейка уже хотела идти завтракать, как мама вспомнила о чашке.

– Если разбитая посуда – к счастью, то неразбитая к чему?

– Делов-то! – низким голосом завёл отец. – А ну-ка, Стась! Дербалызни её, упрямую – всё одно последняя из сервиза.

Мама хотела сказать, что есть ещё блюдечки, но промолчала. На счастье – так на счастье.

Стасик наклонился и, подобрав чашку, обнаружил, что она, до этого целёхонькая, развалилась в кулаке. В изумлении он раскрыл ладонь и показал родителям два почти одинаковых осколка.

– Гигант! Жаботинский! Лёгким движением руки! А ты, Маса, говоришь, что он у нас дохленький, – гудел отец тем же голосом. – Сына, я тобой горжусь!

Глава II

Зря мама так переживала. Стас прекрасно отдохнул здесь, в Заполярье, прошлым летом. Целыми днями гонял с ребятами. Даже в походы ходили, пожили «дикарями» будьте-нате. Пусть рядом с городком и только до вечера, но всё равно здорово!

В этом году Барсуковы-родители своих мальчишек – Петю и Пашу – отправляли в лагерь отдыха на всё лето. Туда же мог ехать и Стас, но отец до последнего был уверен, что летом пойдёт в отпуск. И тогда они с сыном проведут его вместе: погостят у родных, а потом – на юг. Поэтому от путёвки отказались. Но отец – человек военный. Сказало командование, что отпуск придётся отложить, значит, придётся отложить. У матери положение не лучше – отпуск летом бывает только раз в три года, да и то с оговорками: «В этом году идут Лизочка и Нина, прошлым летом были Елена Владимировна с Женей, а вот следующим – отпустят меня с Ликой».

Мать работала инженером-картографом в пароходстве, где летом, в навигацию, каждый человек был на счету. В эту горячую пору рабочий день иногда продолжался до десяти вечера. Зимой же – другое дело, гуляй – не хочу. Потому что зимой порт замерзает, и в море выходят только военные; а у них карты свои, секретные.

Два года тому назад случилось историческое событие: у отца и матери отпуска совпали. И они отдыхали всей семьёй. Были вначале у бабушки, а потом на юге, у сказочно тёплого моря. Мать близнецов Барсуковых, боевая и всё знающая, дала им адресок: «Вот такая хозяйка! Вот в таком местечке!» Они отбили телеграмму и – вначале самолётом, потом автобусом – волшебным-быстрым образом оказались во дворе у этой самой хозяйки в этом самом местечке.

Хозяйку звали тётя Валя. Она была подвижной, решительной и, блюдя право на отдых своих жильцов, горячо боролась с пристрастием мужа – сапожника-выпивохи. Тут же, по знакомству, не давая оглядеться, тётя Валя стала утверждать, что эта приземистая, с тремя вдавленными в стены окошками, хатёнка есть лучшее жильё для северян, раз они решили отдохнуть в эту пору на юге.

– Ещё мой дед строил. Не смотрите, что неказиста – в старину люди знали, что делали. В кирпичном доме иль пристройке днём не дыхнуть – накаляется, аж ночью жарко. А тут саман – в любое пекло прохлада. Я её побелила, убрала, как невесту. Вот войдите, – радушно предлагала хозяйка – плохого не покажу. Придётся, нажарившись, а тут... У меня в этой хате профессор из Москвы селится. Сиеста, говорит, здесь. Он в августе, после вас, будет.

Смущённо улыбаясь, папа, мама и сын переступили высокий порог и поняли: насчёт прохлады хозяйка не обманула. Потому и остались. Постоянно задевая головой притолоку, отец в сердцах обозвал хатёнку «бункером», и название это прижилось мгновенно. А поскольку домик стоял почти по центру участка, то «посмотри за бункером», «подожди у бункера» слышалось во дворе целый день.

Это было незабываемое лето! Весь месяц стояла чудная погода. Дважды ночами случались грозы с мощными тропическими ливнями. Такими ночами казалось, что в мир больше не вернуться ни свет, ни тепло. Но утреннее солнце за час возвращало к жизни всю измотанную за грозовую непогоду зелень, сушило дорожки. А промытый воздух становился волшебным-вкусным. И дети, оценив этот воздух, тут же, начинали «гонялки». Всё утро, несмотря на грозные окрики, они шумели и бегали в диком азарте, как бывает под Новый год.

– Что вы носитесь как оглашенные? – недоумевали взрослые.

На этот вопрос даже Стасик, один из старших ребят, не мог ответить, понять свой «щенячий восторг». Лишь четырёхлетняя Наденька из Надыма, пойманная за трусики своей молодой расторопной бабушкой, объяснила за всех: «Как ты не понимаешь, ба? Это же детство, детство!» И постучала кончиками согнутых пальцев по грудке, где чуть ниже начинался часто дышащий овальный животик.

Мама была против «гонялок». Она считала; что они всегда заканчивается травмами и слезами. Поэтому звали на помощь пап. Те собирали детей и вели их на горку, которая начиналась «на задах», за огородом. За этой горюшкой поднималась другая, повыше, а за ней – третья, ещё выше. Так, цепочкой, горки тянулись вдоль моря и уходили за горизонт. А на этой – первой – был запущенный сад. Говорили, что там водятся змеи, и детей одних туда не пускали. Зато здесь росли две шелковицы – белая и чёрная. Вкуснее ягод-фруктов Стаська в жизни не ел. Всё покупное казалось ему безвкусным по сравнению с шелковицей. Мальчишки забирались на деревья, девочкам наклоняли ветки, и тут впервые за утро мир наслаждался тишиной. Лишь в траве стрекотали просохшие кузнечики.

Глава III

Тем летом папа купил маме шляпку. Со шляпкой были страдания: и у бабушки, и по дороге смотрели во все глаза, но ничего не приглядели. А папа взял и купил. Но, посмотрев на супругу, понял, что зря он это сделал. Мама сказала: «Спасибо, дорогой», и лицо её стало несчастным. Хитрый папа начал загораживаться сыном: мол, Стасик сказал, что если не подойдёт, то он будет носить. Только розочки срежет. Стас, ни сном, ни духом ничего не ведавший, чуть, было, не подавился творогом, но за мужской союз был награждён колпакообразной женской шляпкой с ленточкой и цветочками. Самое приятное было то, что шляпка служила ему верой и правдой: и как сачок для ловли креветок, и как сумка под литровую банку с парным молоком. Тётя Валя, увидев шляпку в этой роли, пришла в восторг:

– Какая у тебя авоська! Такую, наверно, только в Москве можно купить!

Добрый Стасик, уезжая, подарил хозяйке эту шляпку-сачок-авоську, чем доставил ей несказанную радость.

Это было восхитительное лето! Вечерами земля отдавала накопленное тепло домам и деревьям, воздух от этого тепла становился плотнее, гуще, и казалось – подпрыгни, оттолкнись, и ты, взлетев, зависнешь в нём. Надо только собраться и правильно оттолкнуться. А вспарив, не делать резких движений.

Такие фантазии приходили Стасу под куполом чёрного, удивительно глубокого неба. Такого неба ни дома, ни у бабушки он не видел. Ночь была бархатной, пахла сладко и шумела морем. А небо казалось бездонным и близким одновременно. Оно было усеяно мириадами сияющих точек – хоть бери сачок на длинной ручке, потянись и набирай себе звёздочек, сколько хочешь. А они, перекатываясь и задевая друг друга, будут нежно звенеть.

Тем летом Стас научился плавать.

Мелководное тёплое море вызывало доверие у всех, но не у мамы Стаса. В первый день она строго ходила по берегу вслед за барахтающимся сыном. Во второй – сидела на берегу, подставив солнцу спину, время от времени вытягивала шею и зорко поводила глазами. И лишь на третий улеглась, как все, на пляже и прикрыла голову полотенцем. Иногда поднималась, отыскивала своих мужчин и снова клала голову на сложенные руки. Но уже не шумела: «Не лезь глубоко! Вылезай, ты замёрз!» Это означало – мама поверила в то, что эта большая лужа, которую здесь называют морем, не принесёт бед её семье.

Глава IV

За устройство отдыха сына родители взялись решительно и всерьёз. Была вызвана на переговоры тётя Валя. Стасик с замиранием ждал результата: к южному небу очень хотелось, тем более – по-взрослому, одному.

Но в начале случилась заминка. Взяв трубку, папа успел сказать: «Здравствуйте, Валентина Николаевна. Я надеюсь, вы нас помните...», но тут же забубнил: «Как же, как же, поздравляем. Как же, как же, очень рады». Папин взгляд молил о помощи. Мама, видя это, забрала у супруга телефон и заговорила чётко и радостно:

– Тётя Валя, голубушка, как я рада вас слышать. Мы вот по какому делу вас беспокоим.

А папа, как из проруби, зашептал настороженному Стасу:

– У неё там внук. Родился. Стала объяснять – что да чего, какого росту.

И, слушая одним ухом щебетание мамы, что уже прощалась с тётей Валею, вывел:

– Кошмар.

Вечером, засыпая, Стасик вспомнил очумелое папино лицо и то, что папа боится малышей. Когда у соседей в прошлом году родился Дениска, папа, придя с поздравлениями, даже не вошёл в комнату и на все приглашения отвечал: «Да ну вас, вдруг я на него чем не тем надышу. Пошли на кухню». Мама понимала эту боязнь: «Он же почти не нянчил Стаса». Папа то ходил в «автономку», то на учёбу ездил, то Стас болел, и они жили у бабушки, то отец снова ходил в «автономку». Эту историю сын знал хорошо. Грустная, если подумать, была история. Стаска до четырёх лет не мог понять, что папа бывает настоящий, живой, а не только на фотографии.

А ночью маме приснилась коза. Об этом она утром рассказывала папе.

– Глаза у неё грустные, словно собачьи. Смотрит, понимает и молчит.

Отец, распространяя лимонно-цветочный аромат и похлопывая себя по щекам, заглянул к сыну:

– О-орёл, подъём! «Вставай» пришёл! Слышишь, маме снилась коза. Наверно, потому что она у нас сама как козочка. Вот уйдём мы с тобой в моря, а тут объявится серый волк – зубами щёлк.

– Какой волк? Это мне тёти Валина коза приснилась, – отодвинув его, в дверях появилась мама. – Стас, ты помнишь, как её звали?

Стаска, выживая тапки, топтался и собирался с мыслями:

– Какая коза? Какая тётя Валя?

– Ты что – забыл? У тёти Вали была коза, и ещё была внучка.

– А, да, – вклинился папа, – точно: девчонка была, на велосипеде училась.

– Нет, – поправила его мама, – кататься училась Кира из Тынды, Дина уже умела. А вот козу звали забавно. Вспоминайте – у меня гренки.

И убежала на кухню.

– Козу звали Козюля. Что б ты без меня делала, Манюнь? – вслед матери крикнул отец.

И добавил, сокрушаясь:

– Ничего ж не помнит.

– Неверно, – донеслось с кухни. – Тётя Валя звала козу **Маричкой**, а дядя Коля – **Контрой**, она его бодала. Вот и получилась – **Контрамарка**.

Вытянув губы, папа поводил глазами и вывел новое заключение:

– Да, способности! Напишу-ка я рапорт начальству, пусть маму в экипаж зачисляют. Она же противника без приборов вычислит, по ощущениям. Помнить, как звали козу, с которой встрелась три года назад!

И улыбнулся Стасу:

– Кончай ночевать! Выходи строиться. Тапки, смотри, опять поругались.

Стасик поменял тапочки и пошлёпал в ванную. И, умываясь, всё вспомнил: и про поездку, и про то, что через недельку учебный год закончится, а годовые контрольные, которыми стращали всю четверть, написаны. И неплохо написаны. И понял, что он счастливый человек. Очень даже счастливый.

Глава V

Странный народ эти взрослые: после всех сборов и наставлений, перед самым выездом в аэропорт, мама строго-престрого потребовала от Стаса честного слова в том, что всё будет хорошо.

Удобно быть старшим и спрашивать с младших. Тут, поразмыслив, можно и вопрос задать: «А если я не дам этого слова? Тогда что? Вещи будем распаковывать, билет сдавать? И, главное, кто придумал, чтоб я поехал один?»

Стаська застыл – честное слово давать не хотелось. И не потому, что хочешь, чтоб всё было плохо, просто оно самому пригодиться может, слово это. Но, посмотрев на маму, он прикрыл глаза и сказал:

– Мама, я постараюсь, чтоб всё было хорошо.

Видимо, он сказал это как-то непривычно для матери: она растерялась и даже не стала хвататься за рюкзак, помогать.

Ну, в общем, поехали.

Пассажирами самолёта были, в основном, дети. Летела также с двумя заполошными воспитателями группа ребят. Стасик был единственным, кто ехал один, потому вёл себя степенно. Лишь покосился раз через плечо на толкующуюся при посадке группу – мол, малявки. Соседкой его оказалась одна из воспитательниц. Она постоянно вскакивала и шипела на весь салон: «Шишков! Василенко!» Но Стас видел, что всё это зряшное дело. Больше всего досаждал Стасике пухлый вертлявый мальчишка, сидевший сзади. Весь полёт он пинал спинку кресла и хлопал откидным столиком, а грузная женщина, наверно, бабушка, всё уговаривала его съесть ножку.

По прилёту, выйдя на трап, Стас не мог сдержаться от улыбки. Воздух вокруг был не просто другим – он был инопланетный. Пахло так, что хотелось дышать по-щенячьи, глубже. Вбирать в себя запах скошенной травы, нагретого асфальта, степной пыли, керосина. На Стаса нахлынули воспоминания, и он поспешил на автостанцию. Надо было ещё три часа ехать автобусом.

В том же автобусе – земля, как известно, штука круглая – ехала бабушка с пухлым внуком. Только теперь они сидели впереди, и Стаська, для отмщения, упёрся коленками в спинку его кресла. Но потом застеснялся и отодвинулся.

На станции, перед автобусом, говорливые старушки продавали пол-литровыми банками чёрно-красную черешню.

– Мытая, сынок, мытая, – вручила Стасу газетный фунтик с влажной ягодой одна из торговков.

Бабушка пухлого мальчика тоже купила черешню внуку, а теперь всё просила его выплюнуть косточку. Мальчишка же вертелся, осваивал сиденье и так, и этак, и ничего не слышал. Пока не тронулись, женщина замогильным голосом твердила: «Плюй косточку, плюй косточку».

«Неслух», – вспомнил Стасик ругательное слово своей бабушки.

Последним вошёл в автобус и сел рядом со Стасом симпатичный дедуля. Он был одет в затёртые джинсы и выгоревшую клетчатую рубашку. Но шляпа у деда была новая, ярко-жёлтая, с полями. Только с одной стороны поля загибались больше, а с другой – меньше. Когда Стас это отметил, то в голову ему пришло старинное название «треух», хотя он понимал, что треух – это что-то зимнее.

До посадки дедушка стоял в сторонке, в тени. Похож он был на летнего деда Мазая, который зайцев уже спас, а теперь спасает раскатившиеся глобусы. Потому что держал он в руке округлый узел. Полотно узла было чистым и выглаженным. И казалось – в узле спрятано что-

то живое, так бережно дед нёс его. А поставив себе на колени, придерживал ладонями, словно вслушивался.

На деда и его груз обратили внимание все, но промолчали, лишь сидящие через проход парни не утерпели:

– Ты чё, дед, змеюку везёшь? – спросил один, лопоухий, сквозь загар которого проступали частые веснушки.

Второй парень, бритоголовый и не менее загорелый, перевалился через друга, добавил:

– Иль ядрёну бонбу.

Дед промолчал, а дружки стали накручивать, кто во что горазд:

– Мы вот тронемся, а она вылезет!

– И как рванет!

– И всех нас того...

– Испачкает...

– И сожрёт.

– А меня есть нельзя – я к невесте еду.

Стасику стало неудобно от таких намёков, потому что в узле – он чувствовал – сидело что-то живое. Но дед, прикрыв глаза морщинистыми веками, был невозмутим.

Заинтересовавшись, непоседа-мальчишка сунул половинку мордашки меж спинок, поводил шkodливым глазом и объявился всей физией наверху.

Парни заговорили снова:

– Ты, дед, это – бросай темнить. Вишь, народ интересуется.

«Народ» натужно сопел курносым носом. Хитрый дед посмотрел, прищурясь, на Стасика, на мальчишку, но молчал – тянул паузу.

В автобусе было душно. Хоть все окна и люки было открыты, свежего воздуха не хватало. И тут Стаська почувствовал, что от деда пахнет чем-то вкусным – то ли конфетами, то ли мороженым.

Шумные парни вылезли со своих кресел и стали, гогоча, требовать от деда показать им свой груз. От ребят неприятно пахло винно-сигаретным духом. Наверно, поэтому дед заговорил сердито:

– Колоброды! Счас позову контролёра, он вам покажет. К невесте он едет! Да путная девка с тобой шага не пройдёт. Не дышите на меня – пчёлы здесь, они таких запахов не любят».

– Пчёлы! – толстый мальчишка скрылся за спинками.

«Вот чем пахло от деда, – понял Стас. – Мёдом. Но пчёлы! А если вылезет хоть одна?!»

А бритоголовый уже говорил примирительно:

– Ладно, дед. Шутканули мы. Ты, значит, рой везёшь. Славное дело. У меня отцов крёстный до сорока ульев держал. Большой любитель был.

Дружок его, веснушчатый и ушастенький, не унимался:

– Слушай, отец, я вот ни в жисть рой не видел, ни разу. Покажи, а?! В чём они у тебя?

Он коснулся узла кончиками пальцев.

– Ишь, плетушка.

Но дед сердился:

– Не дышите, шалопуты.

Тут появилась приземистая, как бочка на ножках, контролёрша с нудным голосом человека, которому приходится много говорить. Она отчитала кого-то за багаж, испытующе глянула на Стаса – один едешь? – и пригрозила парням, что если они будут приносить и распивать, то она их высадит и оштрафует. Для убедительности женщина потыкала пальцем в затёртую повязку на руке и прервала вопли парней, что, мы вас охраняли, мы ночей не спали.

– Дембеля, тоже мне! Закон един – хоть генерал едет.

Парни, похоже, сами были не рады и полезли на места, ворча себе под нос.

Контролёрша же, наведя порядок, пожелала всем счастливого пути и вышла. Автобус тронулся.

Все вздохнули с облегчением – в раскрытые окна и люки стал поступать свежий воздух. Стас совсем не помнил этого города. Он с интересом смотрел, как проплывают мимо дома: то городские высокие, то частные – утопающие в садах-огородах. И вдруг вздрогнул от резкого крика сидевшего впереди мальчишки. Тот, увидав что-то за окном, кинулся к бабушке.

– Дикой! Совсем дикой, – сказала она трубно. – Да каштан это. Отцвёл уже. Дерево такое, цветы у него.

Дед-пчеловод, заинтересовавшись, наклонился вперёд.

– Я ж говорю – дикой! Напугал как, – отвечала женщина. – Ходит только по асфальту. На травку хотела поставить, он ноги поджимает. Всякой зелени боится. Вон, каштана испугался.

И обратилась к внуку, который барахтался, упрятав ей в живот голову: «Проехали уж».

Красавец-каштан с разлапистыми листьями и увядшими цветами-свечками остался позади.

– Горожане, – старичок-пасечник, не отнимая от узла-глобуса чутких пальцев, покивал с пониманием блестящей головой.

А Стасик подумал: «глупыш», а потом и сам не заметил, как заснул.

Глава VI

Проснулся он от движения вокруг. Приехали. Теперь ему предстояло самое важное, о чём он ни разу не заикнулся родителям. Ведь как не старался, он не мог вспомнить тётю Валю. Точнее, он её совсем не помнил, а когда пытался, то перед глазами вставало голубое небо, а на его фоне кто-то высокий, шумный и яркий. Но, крепко надеясь на «авось», Стасик взял рюкзак и, блымая глазами, пошёл к выходу. И верно: спустившись со ступенек, он тут же увидел не такую уж высокую (два года прошло – многое изменилось), ладную женщину в цветастом платье и цветастой косынке.

– Ты Стасик? – спросила женщина.

– Я – кивнул он, давая зевоту и чувствуя, как полуденное солнце начинает припекать голову.

– Вот и славно! А то я боялась, что не признаю тебя. Пойдем! Нам на рейсовый.

Женщина махнула рукой на другой конец накалённой, как сковорода, площади, заполненной пыльными «Икарусами» и ярко, по-летнему, одетыми людьми.

Стасик послушался и пошел рядом, хотя он не был уверен в подлинности тёти Вали.

Они шли вдоль торгового ряда, где продавали всякие вкусности. Здесь предлагались семечки, сахарная вата, варёные креветки, жареные бычки, вяленая рыба, пирожки величиной с отцовскую ладонь, черешня – но не в пакетиках, а накрученная хвостиками на палочки, – скатанная в большие шары воздушная кукуруза. И снова семечки: тыквенные, подсолнечные, блестящие, мелкие, крупные, чёрные, толстые, продолговатые, белые, полосатые. Вся площадь перед рядом была усеяна шелухой и черешневыми косточками. Напротив одной из торговых предполагаемая тётя Валя остановилась и сказала скороговоркой:

– Ну, всё, товарка, встретила я свой груз, будет с кем Митьку моему собак по куширям гонять, – и сделала движение, увидев которое, Стас понял: встретила его именно тётя Валя.

Женщина взяла правой рукой стоявшую на прилавке сумку, а левой потянула кончик косынки, чтоб затянуть узелок. Другой же кончик тётя Валя, продолжая говорить, ловко ухватила губами и, поведя головой, отвела вправо.

Это умение тёти Вали делать сразу несколько дел ещё два года назад заметила мама.

Знакомая торговка, сокрушаясь, смотрела на Стасика:

– Жалость одна – как молоко снятое, – она сыпанула в кулёк семечек – не стаканчиком отмерила, а черпанула горсть-другую так, что семечки, посыпались на обе стороны, и протянула фунтик Стасу. – Слышь, Валентин, ты следи, чтоб он шапчонку каку носил. А то солнечный удар получит, а тебе ответственность.

– Ничего, пробьёмся. Давай, подруга, торгуй, – тётя Валя погладила по нагретой макушке Стаса и повела к остановке.

Народ, предчувствующий отдых, был настроен весело и подъехавший транспорт брал штурмом. Но тётя Валя, привыкшая к таким посадкам, не растерялась: ухватила Стаса с боков и направила прямо в раскрытые двери. Толпа подтолкнула, и он ворвался в салон одним из первых, занял одиночное место у окна и уступил его подоспевшей хозяйке.

– Уф-ф! – выдохнула она, села и похлопала себя по цветастой коленке.

– Сидай!

Стаська отказался.

– Ну, тада скидай рюкзак! У тебя там что под рубашкой? – тётя Валя бесцеремонно растегнула пуговицу.

– Майка! Ты ж и вправду счас удар схватишь! А ну, сымай рубаху! Сымай, тебе говорят!

Стасику было неловко, он мотал головой, отказываясь. А душный автобус всё набивался разгорячённой толпой.

– Ну, кто на тебя смотрит, – давила тётя Валя.

И Стас сдался. Только разобрались с рубахой, как незнакомый голос, перекрывая гомон, спросил через весь салон:

– Николавна! Ты свёклу просапала?

Тётя Валя вскинулась с ответом:

– Просапала. А ты арбузы посадовила?

Ответ никто не услышал – автобус тронулся, но, судя по кивкам, женщина, что спрашивала, арбузы посадила.

Потихоньку устроились, приноровясь к движению. А Стасик, стоя спиной к окну, с интересом смотрел вокруг: мужчина, сидящий напротив, вёз на колене маленькую девочку, наверное, внучку, в платочке с узелком на затылке. Девочка хлопала глазёнками и цепко держалась за футболку деда. В другом кулачке она сжимала поводок лохматой собачки, сидевшей у мужчины на втором колене.

Пёсик дышал, вывалив язык, и всё пытался устроиться, но срывался и попадал задними лапами в сумку, стоящую на полу автобуса. Зверь барахтался и, часто мигая, не сводил глаз с крупного рыжего кота. Его везла стоявшая в проходе женщина. Котьяра был замучен этой жарой, этим шумом, этими запахами, потому решил ничего ни делать. «Вы считаете это отдыхом?» – говорил его отрешённый вид, и полосатый хвост качался перед самым собачьим носом.

– Во, жарыща! – сняв косынку и обмахиваясь, сказала тётя Валя. – В этом году как никогда! С Красной горки ни капли. Так и сгорит всё в огороде-то.

Она повернулась, хотела поделиться мыслью с давешней собеседницей, но ту загородили пассажиры.

Но долго молчать тётя Валя не могла и обратилась к женщине с котом:

– Давайте зверя! Тяжело ж держать.

Женщина засмушалась, но кота передала. Тот и не заметил перемен. А тётя Валя обратилась к мужчине с девочкой:

– Внучка?

Тот кивнул:

– Внученька.

– Первая?

– Единственная.

– А у меня третий. На днях из больницы забирать. Филиппком назвали. Я настояла, а то старшую – это дочки моей дети – совсем не по-нашему – Диной зовут. Словно добрых имён мало? Вот вашу как звать?

– Вика, – улыбнулся одними глазами, мужчина.

Тётя Валя хмыкнула.

– Я и говорю – ни одного путного имени, даже не знаешь, как ласково-то сказать.

– А это ваш? – в свою очередь спросил мужчина, кивая на Стасика.

– Не-е, это знакомых мальчик. Ко мне прислали.

– То-то я смотрю: как леденец, аж светится.

– Ох! – выдохнула тётя Валя с чувством, и кот, разлепив глаз, глянул на неё строго. – Как они живут в городах да на север~~ах~~ этих? Без солнца, без моря, как каторжанцы какие, прости, Господи, маются. Виданное дело: жизнь прожить – босой ногой не ходить. Ко мне дети приезжают, так лягушку в глаза не видели! Один мальчик слышит кукушку и спрашивает: «Папа-мама, где птичка привешена?» Думает, как в часах. Я б не смогла. Вот старший у меня – где служил, там и остался, – она махнула рукой с видом человека, которому всё, что за райцентром – медвежий угол. – Пишет: «Приезжай, мама, не бойсь, у нас и снабжение, и природа». А сына сюда привёз – знает, где лучше.

Распаренный, Стас слушал в пол-уха, как тётя Валя говорила, что овдовела она недавно, по осени, а два года назад сынок привёз им внука, большого уж.

– Митрием зовут. Ничё не объяснил, прилетел на день и привёз. Вот, говорит, мам, воспитуй. Ну, не шальной?! Денег шлёт исправно, ничё не скажу. К отцу на похороны приезжал, дак сам, всё сам, вино токо моё. А сколь не пытала я про невестку свою, про зозулю эту – молчит. «Потом, – говорит, – мама». Аж зубами скрипит.

– Любит, видать, – сочувственно сказал мужчина, поправляя пса, повисшего на хозяйском колене, опустив вниз, морду и передние лапы.

Задние уже были в сумке.

– Мы с дедом тож так решили. Но мне-то не легче. Малые дети подол рвут, а большие – сердце, – подвела тётя Валя грустно, но тут же встрепенулась и обратилась к Стасу. – Мотрика, приехали. Узнаёшь? Ещё бы, тут у нас прям город – фонари. Следующая остановка наша. А на пляж – другая.

Стас подумал: «Сейчас я растаю».

Глава VII

Двор и дом Стасик узнал. Здесь ничего не изменилось, только заросло пуще, да «бункер» пригнулся к земле. На его двери, закрывая проём, висела цветная занавеска, но тётя Валя повела Стаса не в «бункер», а в дом, где на веранде, слева от входа, была комнатка на одну кровать и тумбочку.

– Вот, – гордо сказала хозяйка, приподняв двухслойный тюль, – это тебе. Как раз – не мала, не велика, и я рядом. Разбирайся и приходи на кухню – помнишь, где?

Стаська кивнул. Комнатка ему понравилась. А больше всего понравилось окно. Оно располагалось буквой «Г» – по боковой и торцевой стенкам, было сделано из небольших квадратных кусков стекла, собранных в общее деревянной рамой.

Он разделся и занялся рюкзаком. Сверху достал книгу, что дала ему мама – «Робинзон Крузо», – и вдруг поразился тому, сколько километров между ним и домом. Из книги, загнутых по краям, выглядывала половинка альбомного листа. На нём маминым каллиграфическим почерком был написан распорядок дня. Стас достал листик и понюхал. Пахло фломастерами. Они были не простые, а с запахами. Оранжевый благоухал апельсинами, зелёный – молодой травой, фиолетовый – фиалками, красный – розами, жёлтый – лимонником. Непонятно чем пахло от голубого и синего. Папа говорил, что ничем, а мама считала, что воздухом и грозой. Это были их любимые фломастеры, они были подарены Стасу, но он ими редко пользовался – берёт. И мама брала лишь в особых случаях. Здесь она нарисовала целую картину. В правом нижнем углу светило всю горячее солнце и плескалось море с корабликом вдали. Стаська понюхал листок ещё раз и положил его и книгу на открытую полку. Туда же выложил фонарик, фотоаппарат, часы с мокрым от пота ремешком и кулёк с семечками. Внутри тумбочки Стас поместил вещи, а на дно устроил рюкзак и обувь. Полюбовался работой, выбрал шорты, достал «вьетнамки» и только хотел встать и одеться, как ощутил, что в комнатке есть ещё кто-то. Сразу стало неприятно, да так, что холодок побежал по спине. Стасик прислушался, ничего не услышал, но почувствовал, что ему дышат в шею. Не поднимаясь, Стас покосился – это не помогло. Тогда, переждав, он повернул чуть-чуть голову и на уровне плеча увидел круглый желтый глаз на приплюснутой кошачьей физиономии. Кошка, размером со среднюю собаку, наставив уши, нюхала его и смотрела настороженно.

«Рысь!» – сразу понял Стас и затаил дыхание, но краем глаза отметил, что занавесь в проёме колышется, а за ней, похоже, кто-то хихикает. Почуввав подвох, Стаська вытянул шею иглянул смелее. Перед ним вправду была рысь, но какая-то не яркая, пятнистая, а по-детски пегокоричневая.

«Рысёнок», – отлегло у мальчика от сердца, и он сказал занавеске:

– Эй, ты!

Там прыснули, а потом позвали напевно: «Ры-ся!». Зверёк тут же потерял интерес к Стасу и, бодая головой тюль, ушёл.

Хлопнула входная дверь, дробью отозвались ступеньки. А поглядевший в окно Стасик успел увидеть мелькнувшую за листвой девичью головку с гладкими тёмными волосами.

«Дина. Ничего себе! Откуда у неё рысь?»

Натянув быстренько шорты и схватив конверт, в котором лежали деньги и письмо от родителей, Стасик поспешил на летнюю кухню.

Диночка была уже там. Сидела за столом, помахивая вареником.

– Испугался!

Стаська не знал, что ответить. Было нелегко признаваться в слабости, да ещё девочке.

– Испугался. Я видела.

Дина обмакнула розовый вареник в миску с мёдом, потом в пиалу со сметаной и без всякого перехода добавила.

– А у меня братик родился! Скоро его привезут. Я буду его нянчить.

– Это что – и вправду рысь? – спросил Стас.

– Самая настоящая. У папы лесники знакомые, они в дальних горах её нашли. У неё мама умерла. Да ты проходи. Бабушка говорит – ты не вредный. Смотри, – Дина подняла край клеёнчатой, в пятнах гроздей сирени, скатерти.

Стасик заглянул под стол. Там, прислонясь бочком к Дининой табуретке, сидела на полу маленькая рысь. Сидела так, что Стаська увидел её животик, поросший кремовым мехом

– Она совсем голодная была и худая. С бабушкой в кровати спала, а то мёрзла. А потом нам сказали, что нельзя – привыкнет, и мы стали грелки подкладывать. Правда, Рысь?

Рыська, понимая, что говорят о ней, лениво шурилась подведенными глазками. Но все эти жмурки-мурмурки были так – обман, кошачьи хитрости: заслышав шаги хозяйки, зверушка дернула ушком, и только тётя Валя, откинув занавеску из мелкой рыбачьей сети, вошла, Рыська встретила её у порога.

– Ага, ты уже здесь! Как без тебя! Всем кнут – и тебе тут. Ты ж сегодня ела. Я тебя уже кормила, – бурчала тётя Валя. – Ты меня скоро по мирупустишь. Отстань, тебе говорят!

Но от Рыси не просто было отвязаться. Она вилась под ногами, бодалась, тёрлась о колени, не давала ходу. Потом, глянув с укоризною на хозяйку, отступила бочком к холодильнику, поцарапала его лапой и снова посмотрела.

– Вот мудра! Если б ты чего клала в холодильник, а то шкрябаешься. Шкрябаться каждый может, – сказала тётя Валя, проходя к плите.

Но Рыська кувыркнулась на спину, сунула лапы под тяжёлую дверцу старого «ЗИЛа» и хотела открыть. Дверца держалась плотно.

– Ладно, циркачка, – смиловилась хозяйка, – иди, дам чего. Уговорила.

Уловив хорошие нотки в её голосе, Рыська оставила в покое холодильник и, получив намазанный сметаной ломоть хлеба, начала вылизывать его, придерживая лапками и поводя ушаистой головёшкой.

– Ну, вот, зверьё ублажила, пора за детей браться – подытожила Валентина Николаевна, подбородком показав Стасику на свободную табуретку: – Сидай!

Стасик протянул ей конверт.

– Ох, батюшки-светы, – отмахнулась она, – можно было потом, – и постучала согнутым пальцем по столешнице: мол, клади сюда.

Стаська положил конверт, а тётя Валя принялась наводить порядок. Забрала у Дины мёд, назвав её лизуньей и кусочницей, протёрла ветошкой клеёнку и как-то незаметно убрала конверт. Слово не было его на белом свете.

Дина надула губы:

– Не буду я окрошку.

– Я те дам – не буду! Бабушка делала-старалась, а ты кочевряжишься. Да такой окрошки, как у меня, ни у кого нет. Все отдыхающие рецепт просят. Геть руки мыть! А то липкая, как малина на меду, – и повернулась к Стасику. – Ты тож с дороги не ленись.

Пока ребята обедали, хозяйка раздавала указания:

– Ты счас отдохни маненько, а как жара спадёт – сходите с Димой на гору: он за свет-газ заплатит, а ты телеграмму своим отобьёшь, что порядок, добрался.

– А море? – спросил Стас.

– Позже – смотри, какое пекло.

– А море сегодня поганое, – вставила Диночка, – вода мутная, медуз полно. Я ходила, но не купалась.

Стасик смотрел удивленно: «Она что – шутит? Как это – море поганое? Как это – вода мутная? Да хоть какая вода. Хоть какая муть. Главное – море».

Тут Рыська, давно съевшая свой бутерброд и дремавшая на полу, оживилась и побежала из кухни, легко перебирая лапками.

– Ага, – поднялась тётя Валя, – рыбаки вернулись.

Во дворе раздались дребезжание велосипеда и голоса.

На голову вышедшего из кухоньки Стаса опрокинулось, как из ушата, солнце; он зажмурился, привыкая к свету, но не заметить мужчину на дорожке было невозможно. Высоченный дядька, красный, как вареный рак, возвышался посреди двора, и синее пластмассовое ведро у его ног казалось игрушечным. Мужчине не надо было разводить руками. Он шевелил длинными, как карандаши, пальцами и показывал невесть откуда взявшейся дамочке, какая рыбина от него ушла. Стасик подошёл ближе и увидел, что мужчина немолод. Седые, коротко стриженные волосы его стояли ёжиком. Он был высок и костляв; по словам бабушки Стасика – «мосласт», но весь исполнен грации существ, привыкших к тому, что они занимают много места. Как жираф, который всегда помнит о своей шее, а слон – о своей массе.

Налюбовавшись на «краснокожего», Стасик увидел мальчишку – похоже, ровесника, но выше ростом, с густой копной выгоревших волос. Руки мальчишки по локоть были вымазаны чёрным, а сам он смотрел сердито.

– Вот такая! Представляете! Ка-ак дёрнет, ка-ак махнёт хвостом – и всё, – рассказывал с восторгом «высокий».

Дамочка, задрав голову, охала и ахала медовым голоском: «Что вы говорите!» Она вся – от пляжных тапочек до обруча в волосах – была в нежно-розовых тонах, даже лак на ногтях её был подобран в цвет. Осторожно тронув пальчиком руку «высокого», женщина промурлыкала:

– Надо же, как интересно! Но, Казимир Степанович, у вас же ожог первой степени!

– Простоквашей надо, – весомо заметила тетя Валя.

– Ни в коем случае! – запротестовала дамочка. – У меня есть крем специальный, от солнца. Французский. Вас, профессор, надо мазать.

– Потом, – «высокий» хотел что-то добавить, но охнул и отпрыгнул назад. – Фу ты, Рыся!

Рысь, покрутившись над ведром, прижала, опрокинула его и теперь пыталась поймать трёх бьющихся рыбок двумя передними лапами.

– Разбойница! – визжала дамочка, топоча забрызганными ногами – ей досталось больше всех.

– Во сокровище, во наказание какое на мою шею, во напасть, – тетя Валя, бубня, кинулась куда-то в сторону, вооружилась старым, стертым на один бок, веником и хотела, было, перетянуть им кошку, но Диночка, повисла у неё на руке:

– Не надо, бабушка!

– Хулиганка какая! – пицала «розовая дамочка». – Дима, заberi у неё!

Рыська, вымазав в мокром песке грудку и мордочку, лупила по лужице лапами, пытаясь припечатать то одну, то другую рыбку, да ещё урчала угрожающе.

– Да ладно, – плавно, сверху вниз, повел длинной ладонью Казимир Степанович, – всё одно – «курам насмех». Я хотел высушить одну, дома похвастать, да большая ушла. Пусть зверьё тешится.

– Вот жадюга, – вздохнула тетя Валя, – что дальше-то будет? Ведь была котёнок котёнком. Сколько курчат мне подавила, сколько гусят! И от соседей недовольство. У-у-у! – и замахнулась голиком на рысёнка.

– Не надо! – снова раздалось на высокой ноте, и Диночка опять повисла на бабушке. – Димка и так хотел ей свою рыбу отдать.

– Одно дело – отдать, а другое – без спросу. Будто не кормлю её, прожору!

И хозяйка в сердцах отбросила переживший свой век веник. Бросила и потянулась к внуку.

– Чего ты, Митенька, смурной такой? Устал?

– Да цепь всё время спадала, – объяснил за Диму Казимир Степанович.

– Так рушится всё без хозяина. А велосипеду этому – лет-лет и памяти нет, на нём ещё дед ездил. Не журись, – говорила тётя Валя, притягивая мальчишку к себе. – Мне утром без тебя досталось. Все голодные, насаются – думала, на автобус опоздаю. Вот, привезла тебе товарища. Живите дружно, не ссорьтесь. Хозяин ты мой, помощник.

Глава VIII

На следующий день, по холодку, тетя Валя уехала в город – готовить квартиру к выписке из больницы Дининой мамы с малышом. Потому с вечера она надавала кучу наставлений обоим внукам; даже утром, сквозь сон, Стасик слышал уже привычное «бу-бу-бу». Потом железная калитка хлопнула, и Стас посмотрел на часы – полшестого. По маминому расписанию нужно было идти на море. «Утреннее море самое лучшее», – утверждала мама. Послушный сынок свернулся калачиком и хотел, было, подремать, но заснуть не смог. Тогда он встал и пошёл искать Димку.

Вчера к вечеру ребята ходили на гору – станица была «двухэтажной», располагалась и на горе, и под горой – на почту, в сберкассу, а заодно и в парикмахерскую. Тётя Валя, сравнив стриженного Стаса с заросшим, словно одичавшим, внуком, в приказном порядке велела ему «зайти к Марине» и выдала деньги на стрижку.

Мариной оказалась бабушка-парикмахер, она быстренько привела Димку в «божеский вид», хотя облагородить его затылок ей не удалось. То ли от подушки, то ли по природе своей, он и в стриженном виде был пушист и встрёпан.

Говорил по дороге, в основном, Димка. Рассказал об интернате в посёлке со смешным названием Суета, в котором учился до приезда сюда. Об отцовском друге-егере из большого лесного хозяйства. Про такие места Стас и не слышал, он даже покосился на Димку – не «заливает» ли он, уж больно красиво звучало: Горная Шория. Но Димка рассказывал самозабвенно, блестел глазами, разводил руками, показывая, каких хариусов они с отцом ловили на муху в горной речке с чудным названием Мрас-Су. И Стас проникся уважением к своему новому, такому бывалому другу.

Теперь он хотел хоть чем-то помочь ему, но Димка справился сам. Накормив «животину», они двинулись на кухню, завтракать.

– А Дина? – спросил Стас.

– Ты думаешь, она сейчас встанет? Жди!

Но Диночка явилась, причёсанная на два хвостика, с невероятным количеством цветных заколок в волосах.

Димка, отодвинув ногой Рысю, открыл холодильник и выставил на стол эмалированную миску, с горкой наполненную котлетами.

– С чем будешь – с молоком или с чаем? – спросил он Стаса.

– А я не буду котлеты. Я – клубнику, – ответила за Стасика Дина.

– Бабушка сказала – клубнику после котлет.

– А я хочу клубнику.

– Хватит вредничать, – пытался урезонить её Дмитрий и объяснил Стасу. – Это она перед тобой воображает – разрядилась вся. Не будешь котлеты – ничего не получишь, поняла?

– Я не воображаю, просто у меня аппетита нет с утра, – и Диночка вынула из холодильника клубнику.

Наложила себе в глубокую тарелку ягод, размяла, засыпала сахаром и залила до краёв молоком.

– Ничего себе, нет аппетита! – отметил Димка. – Ты ещё скажи, что на море с нами не пойдёшь – настроения нет.

– А на море у меня как раз есть настроение.

– У тебя оно есть, а у нас нет – с тобой идти.

– Ну, и на здоровье, я пойду с профессором.

– Ну, и на здоровье, иди хоть с тремя профессорами, – парировал Димка.

– Ну, и пойду.

– А что, это и вправду профессор? – спросил Стасик, который не любил споры. Дима хотел ответить утвердительно, но Диночка опередила его:

– Самый настоящий, из Москвы.

– А эта – Нелли Савельевна – к нему клеится, – проглотив котлету, сообщил Димка, – проходу не даёт.

В этом случае Дина была согласна с двоюродным братом.

– Вечно мешается: «Казимир Степанович! Казимир Степанович!» А мне так хочется поговорить с умным человеком, – заключила она, растягивая хвостик двумя руками.

– Во как! – улыбнулся хитро Дима. – А теперь, умная моя, что скажешь насчёт посуды? У нас только стаканы, мы тарелки не пачкали.

– Ну, и пожалуйста, я помою, потом, – с независимым видом ответила девочка.

Глава IX

Ох, трижды права была Стаськина мама, когда говорила, что утреннее море – самое лучшее. Может, приди ребята на пляж раньше, оно было бы еще лучше, но и сейчас, проснувшись наполовину, оно было прекрасно – лениво окатывало берег мелкими волнами, манило окунуться.

Мальчишки набарахтались до одури и легли на берег, в метре от прибоя. Довольного и уставшего Стасика вдруг потянуло на философию. Упершись подбородком в сложенные руки и вбирая всем телом ласковое тепло, он смотрел на волны, рассуждая про себя: «Вот это море, а это земля. Они были всегда. Они были за много тысяч лет до людей. Значит они старше, значит, мы должны их беречь».

Димка прервал его размышления:

– Чё притих?

– Да так, – засмутился Стасик и приподнялся на локтях, – хорошо тут у вас. А там что? – он показал рукой вправо.

Недалеко от берега, виднелось среди волн что-то тёмное.

– Это остров. В декабре проявился. Приходим в школу, а нам: «Куртки не снимать, идём новый остров смотреть». «Геогрия» потом весь урок рассказывала, что это место, – Димка покрутил головой, – не старое, не такое, как Уральские горы. И море – при динозаврах – доходило до горы. Представляешь, наш огород был прямо на дне. И то, что этот остров вылез, – продолжал Димка, – как раз доказывает, что здесь всё молодое. Я и сам об этом думал. Здесь же в каждой станице грязевое озеро есть. Вот как начнётся извержение! Здорово, правда?!

Стасик, начиная ощущать, как солнышко, распалаясь, прожаривает его насквозь, спросил коротко:

– А ты там был?

– Нет, – помолчав, признался Димка. – Я не доплыву. И бабушка сказала, что домой не пустит. Соседский Колька был, говорит – ничё такого.

– Всё равно интересно. Неизведанная земля.

Димка вздохнул:

– Мне профессор обещал, что катамаран на базе возьмёт, так эта Савельевна прицепилась, просится...

Помолчали. Потом Димка добавил:

– Да тут и так много хороших мест. Вот закончится эта катавасия...

– Какая? – не понял Стас.

– Да с Филиппком с этим, – Димка сплюнул и посыпал плевком сухим ракушечником из кулака. – Вот чё они детей рожают? Будет таким же вредным, как Динка.

Стаська не нашёл что ответить. Надо было идти домой, но лень было двигаться.

Димка поднялся:

– Смотри, Колька с ребятами, и мячик у них.

Трое ребят – старший, средний и младший, – подталкивая донельзя убитый мяч, шли по пляжу. Сразу было видно, что это братья – так они были похожи и фигурами, и одинаковыми, словно квадратными, головами.

– Димка! – замахал руками средний. – Мы тебя вчера искали. Где был?

– А, – кисло прозвучало в ответ, – с отдыхающим на рыбалку ездил.

– Ну и как?

– А, – подвёл итог Дима.

– А мы вот мяч достали, попинаем? – предложил старший.

– Пошли, Стась?

Стас пересилил истому и встал. Для равновесия сил взяли в команду младшего из братьев – Василия, – но просчитались. Димка вратарём-моталой приносил пользы больше, чем этот «засланец», который всё одно играл за своих. Он мешался, отдавал пасы братьям, а самое обидное – что есть дури пнул Стаса по ноге. Стаська чуть не взвыл. Потому и случилась ссора. Старшие квадратноголовые братья не признавали обвинений, а младший за их спинами ковырял пальцами ноги травяной кустик да помалкивал. Димка же, возмущённый и вспотевший, орал, доказывал право на штрафной.

И тут сквозь шум Стас услышал, что его зовут. За забором из металлической сетки стояла, помахивая сумочкой, Нелли Савельевна. Сегодня в её наряде преобладали голубые тона.

– Стасик! – позвала Нелли Савельевна ещё раз.

Стаська подошёл, прихрамывая.

– Скажи Диме – дома целый лазарет, – сказала Нелли Савельевна так, будто Димка всех заразил и ушёл. – Профессор лежит и ничего не хочет. И Рыся тоже лежит, а Диночка над ней плачет.

Сказала и пошла себе в сторону моря.

– Чё она? – послышался сзади надорванный голос.

Стас оглянулся и испугался разгорячено-грязного Димкиного вида.

– Заболели, говорит, все – и профессор, и Рыся.

– А я думал, она тебе про свой нос рассказывает.

– Чего? – не понял Стасик.

– Та-а, потом. Давай домой. Со страмцами играть – себя не уважать, – и, подхватив барахлишко, Дима, не оглянувшись на вопли братцев, двинулся к ближней дырке в заборе.

По мере приближения к дому шаг его ускорялся. Боль в ноге у Стаса прошла, но было тяжело идти по пыльным, горячим улочкам.

Казимир Степанович сидел посреди двора, в тени ореха, на низкой, не по росту, табуретке. Сейчас, сложившись, он был похож на большого красного кузнечика. Положив подбородок на колени и обняв их руками, профессор пристально смотрел на Рысю, что лежала напротив.

Не ожидая ничего хорошего, мальчики подошли ближе. Кошке было плохо. Лёжа на боку, она, не поднимая головы, тяжело дышала распухшим, как мохнатый мяч, животом.

Профессор поднял палец – тихо, мол. Но Димка спросил, словно ничего не понял:

– Как вы себя чувствуете, Казимир Степанович?

Тот зашептал, как придавленный:

– Я? Да ничего, облезаю. А вот зверушке вашей – худо.

Рыська выбрала для болезни самое приятное место во дворе. Здесь, в тени большого ореха, вблизи колонки, всегда было прохладно. Но выглядел зверёк ужасно. Рядом с круглым, готовым лопнуть, животиком лапы, хвостик и голова её казались совсем несчастными.

– Ничего не худо – ответил Дима – а очень даже хорошо. Нажралась, вот и лежит, переваривает.

Вынырнув из-за локтя профессора, вся в пятнах от слёз, Диночка зашептала с укоризною:

– Безжалостный ты, Димка. Бессердечный. Может, ей больно, а ты!

Димка оскалился:

– Может быть. Хочешь, я у бабы Симы клизму попрошу, большую? Ты будешь лечить свою кошку?

– А ты уверен, что это не опасно? – всё ещё осторожно спросил Казимир Степанович.

– Уверен, – качнул головой Дима. – Она перед пасхой тоже так лежала. Тридцать яиц стрескала, отборных, да ещё творогом закусила. Мы думали – помирает. Я её к ветеринару таскал, на гору.

И спросил Дину:

– Чё, забыла? Больше я не пойду. Она, может, чё спёрла! Вы, профессор, проверьте – у вас всё на месте?

– Да у меня и нет нечего, чтоб так раздуло.

Димка присел около Рыси и погладил ей лобик.

– Киска, а киска?

Зверюшка, узнав Димку, вздохнула, и пред её носом закачались травинки.

– Налопалась, как удав. Чё она так? Мы ж её кормим. Она ж не голодная?

Казимир Степанович, не переставая обнимать коленки, повёл ладонями, как крылами:

– Хищник. Ест про запас.

– Да, – протянул Дима, не поднимаясь, – остаётся узнать, что она съела. – И спросил у Дины: – Ты видела?

– Нет, – горячо помотала она головой, – я у Нелли Савельевны была, журналы смотрела.

А потом мы профессора мазали, а потом...

В голосе девочки начали закипать слёзы.

– Потом смотрю: она идёт и шатается. Пришла сюда, вытянула лапки – и всё.

– Вытянула лапки! – передразнил её Димка и вскочил. – Пошли посмотреть, может, она гусёнка схавала!

– Нет. У неё б тогда на мордочке пух был с перьями, – заверил профессор. – Кстати, сами-то вы чего замызганные? Вы ж на море были?

– Были, – согласился Димка, скорчив гримасу.

Глядя на его грязное, в полосках от пота, лицо, Стасик подумал: неужели я тоже такой? И объяснил за друга:

– Мы в футбол...

– Понятно, – качнул головой профессор и, вытянув руку, заставил его повернуться к себе спиной.

– Да-а, обгорел ты, друже, меня не хуже, – сказал он в рифму. – Давай-ка, голубчик, в душ; тебя срочно надо мазать – спасать, что осталось.

Стасик и сам ощущал, что кожу на спине и плечах сильно стягивает и печёт, но под душ он попал не скоро. Потому что по дороге Димка вспомнил о компоте и, зайдя на кухню попить, они обнаружили картину Рыськиного преступления. На полу сумрачной после света дня кухни валялась вылизанная дочиста миска из-под котлет. Рядом с ней – осколки разбитой, тоже вылизанной, Диночкиной тарелки да пластмассовая, в молодости белая, хлебница. А над всем разором в духоте крутила круги ошалевшая муха. Стаська не сразу понял, что случилось, а Димка сообразил, едва переступил порог. Он свистнул, поднял миску и, не веря глазам, заглянул под стол, под стул, в холодильник – в надежде, что части котлет удалось спастись. В сердцах хлопнул дверцей и с разворота обрушился на Дину:

– Раз-з-ява! Журналы она смотрела! Профессора она мазала! Вот приедет бабушка – она тебе покажет! Мы вчера со Стасом весь вечер фарш крутили. У меня даже мозоль! Вот здесь! Где она? Вот тут была! – И он потыкал под нос моргающей девочке потные ладони. – Трудно было убраться?! Там же куча котлет была. Бросила всё и пошла. Журналы смотреть!

Дина, прижавшись лопатками к притолоке, начала слабо отговариваться:

– Я не ела котлеты, это вы, вы должны за собой.

– Ну и что – не ела! Кто из нас хозяйка? Кто из нас женщина? – наседал Дима. – Бабушка жарила, старалась. Там же штук сто было, а эта зараза в один присест! А потом, клубнику ты ела? – возвышаясь над Диной, гремел он.

– Я, – пронеслось еле слышно.

– А почему тарелку не помыла?

– Я не доела, думала – потом, – срываясь на слезу, отвечала сломленная девочка.

– Значит, она ещё клубничкой закусила!

У Диночки начали слабеть коленки. Она сползла вдоль угла к порогу и, сгорбившись, тихо, но горестно, начала плакать.

Димка посмотрел на неё и, перестав метаться по кухне, сел на стул, барабанил пальцами по доньшку миски.

– Что мы бабушке скажем? – рассуждал он. – Она думала, нам этих котлет на неделю.

И снова, не вставая, открыл дверцу холодильника, посмотрел, со вздохом закрыл и, покрутив носом, обратился к Стасу:

– Нет, ты видел дурёху? Не ела она! А то, что котлеты здесь, на жаре, остались? Ерунда? Не ела. В голове одни фантики.

Диночка всхлипывая, оправдывалась:

– Ты сам виноват, ты старший!

– Я старший! – Димка опять начал горячиться. – Да я и так всё делаю! Ты ж хитрая: гусят боишься – они бегают, кроликов боишься – они прыгают. Тебя ж ничё не заставить! На мне и куры, и гуси, и кролики, и коза эта драная!

И тут, споткнувшись о новую мысль, он, словно вырастая, начал медленно подниматься со стула с вытянутым, и без того серым, лицом.

– Коза! Коза не поена! Со вчера.

Дима метнулся, задел по пути хлебницу и хотел с налету ухватить два ведра с водой, но не осилил. Стасик, не очень-то понимая, что нужно делать, поспешил помочь. Так, толкаясь и мешая друг другу, ребята уцепили по ведру и, плеща водой, мимо сжавшейся в комочек девочки пустились бегом в конец огорода, где торчал маяком белый кол. Около кола, блистая затёртым дном, стоял железный таз с одной ручкой, но козы не было. Вокруг висела жаркая тишина, и как мальчишки не оглядывались – высокая трава нигде не шевелилась. Тогда Димка, не выпуская ведра из рук, пошёл по верёвке, которая, извиваясь, вела к горушке. Здесь, укрывшись от зноя в ажурной тени дерев, лежала, откинув рогатую голову, любимица тети Вали.

Стасик, подойдя за Димой, затормозил и прищурился на шелковицы, прикидывая – созрели ягодки или нет. Но Димка, двинув ему локтем в бок, просипел:

– Смотри. Похоже, у неё это... удар... солнечный. Лежит как дохлая.

Стаська не мог понять самочувствие козы и посоветовал шёпотом:

– Позови её.

– Контра, – коротко сказал Дима.

Коза не двигалась.

– Марька! – добавил Димка чуть громче и подёргал верёвку.

Коза не подавала признаков жизни.

– Ну, всё, сдохла. Смотри, как лежит – неестественно.

– Может, она спит.

– Понимаешь, – оглянувшись и боясь, что его услышат, заторопился Димка, – я забыл её напоить. Утром. Совсем забыл. Привязал, пошёл за водой, а тут кролики. Бабушка уехала, она сказала, чтоб я. А она... Ну, всё! Смотри – совсем не дышит. Чем бы потыкать?

Он оглянулся в поисках палки, но тут же сделал по-другому.

– Дай-ка – может, оживет.

С этими словами, отступив на шаг, он перехватил ведро и с оттяжкой ливанул всю воду на мирно почивавшую козу.

Та, бедная, не ожидавшая такого, дёрнулась и прыжком отскочила на сторону. Моргнула спросонок соловыми глазами и выставила рога.

– Беги! – крикнул Димка, кинул ведро и бросился наутёк.

Но Стаськины ноги стали ватными и непослушными. Он только и видел, что на рогах белеют насаженные – может, в шутку, а может, для безопасности – пластиковые пробки от бутылок шампанского.

– Беги! – надрывался Димка. – Беги!

Стаська как во сне повернулся к козе спиной и медленно, очень медленно сделал шаг. Но тяжёлое ведро мешало, цеплялась и мешала сухая трава. Слепило, мешало полуденное солнце. Боковым зрением он отметил, что Димка возвращается и, пытаясь отвлечь козу, прыгает на расставленных и согнутых в коленках ногах, трясёт над головой руками. Но, конечно, не мог видеть, как Марька, взрыв копытцами землю, рванула с места. Как она настигла его и поддела под «толстую спинку», так называла это место бабушка. Поддела твёрдым, словно железным, лбом и твёрдыми, словно железными, рогами. От удара Стас выпустил ведро и птичкой пролетел метра три и ещё столько же проехал плашмя вниз по заросшему склону.

В полёте Стаська видел, как, крича и хватая руками воздух, бегут к нему профессор и Диночка. Но что они кричали – он не слышал. А слышал только шум своего проезда по траве и заметил, как из неё прыснули на стороны букашки. И на обожжённую солнцем спину его вдруг закапало тёплым дождичком, словно кто заплакал над ним.

Подоспевший профессор затопал на Марьку, но она отряхивалась над Стасиком и не хотела отступить. На выручку пришёл Димка. Он потянул козу за верёвку и держал так, пока Стас не отошёл на безопасное расстояние.

– Да-а, – потянул профессор, оглядывая Стасика, – оно, конечно, по траве – не по асфальту, хотя...

Стасу вначале совсем не было больно, но, посмотрев на Диночку, он испугался за себя. Лицо у девочки стало некрасивым: рот квадратным, носик расплющился, а глаза совсем пропали под набрякшими веками.

– Стасик! Стасичка! Стасинька!

– Не вой! – одёрнул её подошедший Димка. – Ничего страшного, крови немного.

Он хлопнул себя по ноге и добавил в сердцах:

– Вот ведь зараза – ожила! И чё взбесилась? Водичка-то тёплая была, и, главное...

– Главное, что все живы. Ну, в общем, – добавил Казимир Степанович.

Он присел на корточки перед Стасиком и, почёсывая висок, заключил:

– Нос, лоб, подбородок – ничего, до свадьбы, как говорится... А вот локти и колени надо обработать. Давай в душ! Дойдётся?

Стас кивнул. Не хватало ещё, чтоб его на ручках носили.

Душ был красой и гордостью в хозяйстве Валентины Николаевны. Это была не сколоченная абы как постройка, а капитальное, выложенное кафелем строение с душевой и раздевалкой.

Но вначале, в довершении ко всем бедам, на Стаса ливануло кипятком – до того нагрелась вода в душевой сеточке. Он дёрнулся в сторону, едва не упал и, прислонясь плечом к горячей стене, застонал от обиды и боли. Посмотрел сквозь слёзы, как парок, взлетев, рассеивается, вздохнул и подставил лицо под воду, смывая слёзы и грязь.

Только Стасик вышел из душа, как профессор, будто всю жизнь привечал мокрых детей, широко повёл полотенцем, накрыл мальчика и принялся вытирать ему голову. Причём, оберегая стёсанные нос и подбородок, Казимир Степанович старался натолкать как можно больше полотенца в уши Стасику, свет перед которым померк, и ему захотелось вернуться под душ. Но Димка, сгорая от нетерпения, поднырнул к нему, как под плащ-палатку, и, жарко дыша, потряс бутылочкой, из которых кормят малышей.

– Смотри, что я нашёл! Я знал, что должно быть. В холодильнике стояло. Масло облепиховое. Оно знаешь – от чего? Оно – от всего!

Стас уже вспотел от вытирания, потому что профессор всё трепал ему голову, всё запикивал в уши полотенце. Он хотел попросить Казимира Степановича остановиться, но рядом объявилась Дина. Оттирая братца плечиком, она сказала сердито:

– Стась, скажи, чтоб я тебя лечила. Я могу, я бабушку мазала.

В ту же секунду Димка закричал вверх:

– Казимир Степанович, меня не надо, я ещё не мылся.

– Да что ж это вы? Как вы сюда?.. – забубнил Казимир Степанович, и полузадохнувшийся Стас увидел его удивлённое лицо.

– Спасибо большое, – выдавил мальчик, – я бы и так высох, жарко же.

– Нет-нет, голову нужно вытирать. Голова – это главное, – изрёк профессор, промокая свой лоб.

Тут Диночка, требуя внимания, дёрнула Стаськину руку:

– Можно, я тебя помажу, я умею. Руки помою и помажу.

Стасик поморщился, а Дима аж ногами затопал:

– Лечильщица! Вцепилась, как пиявка! Человеку и так больно! Иди, убери на кухне. Да подумай, что бабушке скажешь.

– А то и скажу, что ты Марьку не поил, а на море ушёл. Что котлеты ел и всё бросил, – ответила девочка и забрала у перекосившегося Дмитрия бутылочку.

– Не ссорьтесь, ребята! – вмешался профессор, – сейчас главное – обработать раны. Пойдёмте ко мне. У меня прохладно. И места много. А потом, у меня есть перекись.

Стаська смотрел на Казимира Степановича во все глаза, надеясь, что тот добавит, как жжётся эта перекись. Сильнее йода или меньше? Но профессор об этом промолчал. Он отправил Димку под душ, а Диночку и Стаса – в «бункер».

Глава X

В «бункере» всё было иначе, чем в тот раз, когда здесь жил Стас с родителями. Осталась только одна кровать да стол со стулом. Зато слева от входа на полу лежали застеленные покрывалом два матраца, куда Диночка плюхнулась на колени, а Стасик присел с краешку. Казимир Степанович покопался в коробке с медикаментами, достал белый пузырёк и начал объяснять Дине, как надо обрабатывать раны. Рассказал, показал и сделал всё сам. Потому что девочка больше ойкала да ползала вокруг Стаса. Подбираясь то с одного, то с другого бока, она заглядывала ему в лицо и выпытывала жалостливо:

– Тебе очень больно, Стасик? Очень?

Где-то в середине процедуры в «бункер» явился довольный собой Димка. Он старательно потопал ногами за порогом, а в дверь вкатился спиной вперёд. Руки его были заняты большой, запотевшей до ручек, кастрюлей. Победно оглядевшись и громыхнув крышкой, Дима приземлил кастрюлю на пол:

– Вот! Компот!

И засмеялся. Волосы на голове его стояли дыбом. И было видно, что мылся он второпях: за ушами вода проложила только мокрые дорожки. Но это Стас заметил потом, а сейчас он обрадовался другу, как маленькой передышке. Потому что всё время боролся с желанием схватить руку профессора и придержать её немного.

Но Казимир Степанович, не отрываясь от дела, посмотрел через плечо:

– Опять будем дохлые витамины пить.

– Опять! – бесшабашно кивнул Димка и «козликом» выскочил за чашками.

Кроме чашек он принёс редиски и лука – свеженьких, прямо с грядки – и несколько сваренных вкрутую яиц. Да ещё мисочку со щедро политыми сметаной и мёдом варениками.

Профессор, занятый Стаськой, объяснил Диме, где в холодильнике лежит его колбаса, и спустя минуту с облегчением вздохнул:

– Ну, всё, орёл, – готов!

Невозможно передать, как благодарен был ему Стас, что обошлось без зелёнки и йода. Как благодарен!

Димка вернулся счастливый, словно охотник с большой добычей. Кроме колбасы и хлеба он принёс ещё банку шпрот:

– Это из бабушкиных запасов.

– А она не заругает? – спросил, как ребёнок, Казимир Степанович.

– Не-а. Она ж говорит, что для хороших людей ей ничё не жалко. А мы чё, плохие?

– Если бабушка будет ругаться, ты мне скажи, мы ей вернём.

– Да не будет она! – вмешалась Дина, хрумкая редиской. – Открывайте! Она вчера глянула буфет и бурчала, что покупает еду про запас – места уж нет. Привычка у неё дурацкая.

– Это привычка не дурацкая – это привычка людей, переживших войну и голод. Они потом долго, иногда всю жизнь, не могут привыкнуть, что всё можно купить. Вот и запасаются, – объяснял профессор, нарезаая ровными ломтями колбасу и хлеб.

Стасик тут же вспомнил свою бабушку. Та все цены – что на одежду, что на билеты в самолёт – переводила на какие-то старые деньги и прикидывала, сколько можно купить на них продуктов.

А Казимир Степанович соорудил первый бутерброд и протянул его Стасу со словами:

– Ты вёл себя как мужчина.

Стаське стало жарко от похвалы, и он спросил первое, что пришло в голову:

– А вы, правда – профессор?

– Самый заправдашний, как Дед Мороз.

– Медицинский?

– Казимир Степанович расшифровывает мумии, – чуть ли не по буквам сказала Диночка, за неимением вилки вылавливая вареник из медово-сметанной массы надкусанной редиской.

– Как это? – не понял Стас.

Профессор, потянувшись кружкой к кастрюле с компотом, не ответил, лишь улыбнулся, глядя на Диночкины мучения.

– Нет, правда, – как это?

– Я египтолог, понимаешь? Я изучаю старинные надписи, те, что были написаны при фараонах, в Египте. Или ты ещё не проходил Историю древнего мира?

– Проходил, – не веря совпадению, протянул Стас, – в этом году. И мама мне всякое такое читала.

– Какое – такое?

– Ну, про пирамиды. Что кошки там в мумии превращаются, а бритвы затачиваются.

– Это тебе мама всё верно читала. Я вот думаю предложить Валентине Николаевне сделать во дворе пирамиду-беседку из реек – в ней очень полезно отдыхать. Только строителей надо найти. Вот вы подрастайте, через год и займёмся.

– А что? – восхитился планами Димка, неутомимая душа которого требовала движения.

Он и сейчас, не переставая жевать, подпрыгивал сидя на пятках.

– Давай, Стас! – и, не останавливаясь, спросил профессора. – А может, в этом? А то ведь целый год?

– Нет, в этом не получится: у бабушки разрешение надо получить. Материалом запастись, рассчитать, как положено. Это – не раз-два – кружева, это – пи-ра-ми-да.

– А как вы профессором стали? – не унимался Стасик, – Зубрили-учили и стали?

Казимир Степанович улыбнулся виновато:

– Ты прав, конечно, но не совсем. Я когда вспоминаю, как всё сложилось, то нахожу три причины. Три, – весомо повторил он, потрясая поднятыми указательным, средним и безымянным пальцами левой руки.

Ребята молчали выжидая.

– А если назвать их по порядку, то первая причина простая, житейская, так сказать. Отец мой был человек малограмотный, работал в колхозе шорником. Слышали о такой профессии?

Стасик, Димка и Диночка дружно замотали головами из стороны в сторону.

– Шорник – это человек, который шьёт лошадям сбрую. Вернее, отец в молодости был конюхом. Потом началась война; он и на войне был, как говорят, при конях. Но раздробило ему осколком обе ноги, пришлось их отрезать, ампутировать. Вот он и нашёл себе сидячую работу – сбрую шить. Но сам мне всю жизнь твердил: «Учись – человеком станешь». Всё хотел меня видеть большим учёным. Даже имя мне такое дал, для солидности. Хоть сам был Степаном, а отец его Василием. Вот какая первая причина.

Ребята молчали, а профессор, глядя поверх их голов, продолжал:

– Вторая причина почти фантастическая. Потому что получился необъяснимый фокус: ведь кроме меня в нашей деревне, ну, теперь это посёлок, кроме меня ещё девять докторов наук, а кандидатов – и вовсе не сочтёшь. Больше пятнадцати человек. И деревня-то обычная, небольшая, но в каждом дворе свой учёный, а в одном – даже два. В соседних деревнях тоже есть такое, но у нас больше всех, как эпицентр, понимаете, как особое место. Феноменальный случай. Про наш посёлок даже фильм есть, это когда Зина Утина, через два двора от отца живёт, шестой из наших докторскую защитила. И в газете о нашей деревне писали, даже смешно сказать – приезжали брать пробы воды, воздуха. Искали – может, есть в наших местах микроб какой, что тягой к знаниям заражает. Но ничего, конечно, не нашли. Я и сам не знаю – это совпадение, курьёз, шутка природы или так везде должно быть? Ведь каждый человек рождается со своим талантом; главное, чтоб он этот талант мог проявить. Причём,

не обязательно быть артистом или учёным. Можно быть талантливым экскаваторщиком или бухгалтером. Главное, чтоб работа тебе нравилась, и тогда твои способности покажутся во всей красе.

Профессор помолчал.

– Ну, а третья причина, самая что ни на есть банальная. Было б смешно, если б не было так грустно, – Казимир Степанович помялся и сказал смущённо. – Понимаете, в чём дело – плоскостопие у меня.

Такое слово Стасик где-то слышал, но что оно означает, сейчас вспомнить не мог.

А Димка, не поняв, переспросил насторожённо:

– Плоско... что?

– Да-да, – заулыбался профессор, – по сути дела, ты прав. Вначале было плоскостопие, а потом оно переросло в то, что ты подумал. Потому...

– Подождите, – Стасик дёрнулся и поморщился от боли. – Вы нам всё по порядку расскажите.

Тут Диночка, проглотив вареник, вытянула руки с растопыренными пальцами и затрясла ими перед профессором:

– Можно, я? Можно, я расскажу?!

– Говори, – милостиво согласился тот, поведя рукой с бутербродом, как гаишник палочкой.

– Плоскостопие – это когда вот! Когда на песок наступаешь, а нога плоская. А нога должна быть кривая, вот тут, – и девочка, крутясь, показывала ребятам свои ступни и тыкала в них сладкими мокрыми пальцами.

И Стаська вспомнил. Отец рассказывал, что когда он поступал в училище и проходил медкомиссию, то его лучший друг – дядя Стас, в честь которого Стасика называли Стасиком, – эту комиссию не прошёл. Из-за плоскостопия, во как!

Но Димке нечего было вспоминать, и он зашипел, как драчливый кот, на Дину, что она трясёт грязными ногами перед его лицом, а толком ничего объяснить не может.

Но Диночка в долгу не осталась и заявила, что знает про плоскостопие побольше Димки. Потому что когда он ерундой занимается, она беседует с умным человеком. А профессор ей показал на песке, какое у него обширное плоскостопие. Наступил босой ногой и напечатал своё плоскостопие, а она наступила рядом и увидела, что у неё нет плоскостопия.

В подтверждение девочка кинулась к Казимиру Степановичу, сидевшему на матрацах по-турецки, с явным желанием оторвать у того ногу и показать вредному Димке, что она разбирается в чём-то лучше, чем он.

Профессор засмеялся:

– Дина, ты меня без ноги оставишь!

Димка рыкнул и полез отталкивать сестру. Получилось что-то вроде кучи-малы. Но тут за окном раздался голосок Нелли Савельевны:

– Казимир Степанович, можно к вам?

Дима и Дина, ведомые общей нелюбовью, враз успокоились, сплотились и сели рядом, настороженно глядя на вошедшую.

– Во дворе тишина, я думала – никого нет, но слышу – у вас тарарам. А это всё милые сестренки-братишки.

– Говорят «Бог леса не уравнил», а вы хотите, чтоб все были тихие да одинаковые. Тем более, дети, – улыбаясь, ответил профессор.

– Да всё я понимаю, но, думаю, потому их бабушка и не берёт с нас больших денег, что чересчур много шума от них. Словно это не люди, а злобные карлики.

Стаська опешил. Его бабушка, мамина мама, как то отчитала его и потребовала запомнить на всю жизнь, что говорить о присутствующих в третьем лице – верх неприличия. А тут взрослая женщина говорит, как невоспитанная.

Он смотрел на Нелли Савельевну, втянув голову в плечи. Но она, сама поняв, что сказала не то, улыбнувшись, пропела шаловливо:

– Ох, детишки! Если б вы знали, как поражаете нас, взрослых, как удивляете.

Молчание было ей ответом.

А незваная гостья, поставив ногу в голубой босоножке на высокий порог, продолжила игриво:

– Ну, ладно, Казимир Степанович, я зайду к вам потом. Когда вы будете свободнее. Море сегодня – просто бархат. Льющийся бархат. Я так нанежилась – и душой, и телом. Пойду, отдохну.

И ушла.

Тишину, повисшую в воздухе, нарушил короткий вздох профессора. А Диночка, вскочив и передразнивая Нелли Савельевну, заблеяла:

– Вода изумительная, нектар, просто нектар. Так и струится по всему телу.

Видно, это была авторская фраза. Дальше пошла импровизация:

– И сюда струится, и сюда, и сюда тоже, – произнося всё это, девочка вытягивала то одну, то другую ногу и волнообразно трепетала сверху вниз и по сторонам кистями рук, изображая воду.

Покрасневший Димка цыкнул на неё. А Дина, поглядела на него свысока, фыркнула, но спорить не стала, села рядышком.

– Казимир Степанович, – попросил Димка, – если вы что помните про мумии, расскажите, пожалуйста. А то я про них мало что знаю. У нас всё история родного края идёт, а эта – Древнего мира – совсем редко. Я только про одного фараона и слышал, Брахмапутра который, а больше ничего.

Глаза у Казимира Степановича стали раскрываться, а сам он закачался, как боец, раненный в грудь. Но, собрав волю в кулак, остановился, подумал и строго сказал:

– Ну, смотрите.

Рассказывал профессор с жаром, временами забывая, кто перед ним. Убеждая, он говорил как пророк, потрясая воздетым указательным пальцем, то водил этим пальцем вокруг другой руки, показывая, как обвивали мумию пелена.

Стасу было интересно, но спать ему хотелось всё больше, хотя он держался. Диночка, свернувшись калачиком, уже давно спала. А Димка... Последние, что запомнил Стасик, прислонясь к белёной стене, – это Димка. Положив ладошки на колени, он сидел так всю лекцию, заворожённо глядя на профессора.

Глава XI

Стас проснулся, почувствовав, что его укрывают. Он открыл глаза и в полумраке увидел Казимира Степановича и Димку.

В окошко заглядывал нежно-сиреневый вечер.

– Ты чё стонешь? – увидев, что Стас не спит, спросил шёпотом Дима.

Профессор, перестав подтыкать одеяло, добавил:

– Мы решили, что ты замёрз.

Стасик нисколько не замёрз, потому что, пока он спал, кто-то подложил ему под бок большую горячую подушку. Он потянул воздух опухшими губами и спросил, держа рот боком:

– Бабушка приехала?

– Нет ещё. А чего ты шепчешь?

– А вы чего?

– Будить тебя не хотели.

– А может, у тебя горло болит? – спросил профессор по-прежнему шёпотом.

– Нет. Не болит, – ответил Стасик громче, не узнавая собственного голоса.

– А что болит?

У Стаса, если по правде, болело всё. Даже говорить было больно. Губы распухли и не слушались. Но он не стал жаловаться – сказал, что колени, и добавил, кашлянув:

– Немного.

– Ты будешь, как Кощей, ходить и скрипеть, – пошутил Казимир Степанович.

Стаська криво улыбнулся и стал подниматься. Хорошо, что в полумраке никто не видел его лица.

– Дина где? – Спросил он на выдохе.

– На кухне, порядок наводит, чтоб бабушку задобрить.

Наступал час расплаты за дневное разгильдяйство.

– А Рыся?

– Спит, я её ковриком покрыл, чтоб не видно.

– А она обязательно приедет? В городе не останется? – отдыхая после каждой фразы, спросил Стас.

– Приедет, – со вздохом ответил, Дима. – Ей Марьку доить. Мы с Динкой хотим её встречать. Пойдёшь с нами?

Стаське не хотелось никуда идти, но бросить друзей он не мог. Потому кивнул легонько.

Они вышли из бункера. Сумерки сгущались, становились фиолетовыми и пахли мёдом.

Воздух был тёплым, но Стаса зазнобило, да так сильно, что он сделал усилие и, чтобы не клацнуть зубами, сказал отрывисто:

– Я оденусь – комары.

И пошёл к себе, деревянно двигая ногами.

По той же причине – больно было поднимать руку – он не стал включать свет, хотя на верандочке, увитой виноградом, было темно. Стас нашупал на стуле рубашку и начал тихонько надевать её, морщась в ожидании, когда ткань коснётся обожжённой и изодранной кожи. И вдруг, забыв обо всём, замер. Потому, что снизу, прямо из-под земли, пронёсся по верандочке протяжный вздох. Такой жуткий, такой тяжёлый, такой замогильный, что... Стаська вылетел из комнатки, бросился со ступенек, чуть не растянулся, наступил второпях на какую-то твёрдую штуковину и заскакал на одной ноге от боли, но сквозь пелену слёз увидел что-то большое, светлое и кинулся к нему.

Этим двухметровым привидением был Казимир Степанович в своём летнем полотняном костюме.

– Ты чего прыгаешь?

Стаська, одеревенев от боли и страха, смотрел перед собой, не находя слов и чувствуя, что сейчас закричит в голос, зажал себе рот скомканной рубашкой. Но ужас рвался мычанием наружу.

– Стасик, ты чего? Больно так, что ли, Стас?

Профессор погладил его по голове и добавил озабоченно:

– Какой-то заколдованный круг. Коза пропала. Обиделась, наверно. Расплатала кол и ушла. Ребята в огороде шарят – как сквозь землю провалилась. Ни кола, ни верёвки, ни козы. Если на гору пошла – где её искать?

Стас поднял голову. Лучи редких звёздочек завертелись хороводом на темнеющем небо-склоне.

– Ма-а-а..., – простонал мальчик, но с разбитыми губами и через рубашку у него ничего не получилось.

– Что? – переспросил профессор.

Не в силах ответить во второй раз, Стаська помотал головой из стороны в сторону. И это мотание придало ему силы. Он снова помотал ею туда-сюда, и ещё раз, и ещё. А когда почувствовал, что больше не трясётся, оторвал лицо от рубахи и, ощущая твёрдость шва на щеке, сказал коротко:

– Марька.

– Да, ушла.

– Коза...

– Что? – наклонился к нему профессор.

– Коза...

– Что – коза?

– Коза...

– Где – коза?

– Коза, – и Стас, с шумом потянув воздух заложенным носом, качнул головой за спину.

Профессор тут же всё понял. Он выпрямился, прижал к себе Стаса и, не убирая тёплой ладони с его горячего плеча, пророкотал:

– Дина, Дима! Включите хоть кто-нибудь свет во дворе!

Свет зажёгся не сразу. Но только он вспыхнул – и у дома, и при входе на летнюю кухню, – так сразу осветил четырёхгранный кол, лежащий в стороне от дорожки.

Вынырнувший из темноты Димка кинулся на него и, не сбавляя хода, уже второй раз за сегодня пошёл по уходящей от кола верёвке.

– Тебе помочь? – только и успел крикнуть Казимир Степанович.

– Я сам, – донеслось с верандочки.

Там зажёгся свет, раздались Димкины вопли. Похоже, сейчас он мог справиться со стаей волков, не то, что с козой.

Когда же он появился, на манер бурлака перекидывая верёвку с одного плеча на другое, то орал во всё горло:

– Во! Контра! Контра и есть! Устроилась, вражина! Под кроватью!

Коза, шедшая следом, мотала бородато-рогатой головой. А потом, упершись, встала.

– Дима, ты бы осторожнее, – попросил профессор.

Но Димку ничто не могло остановить. Он схватил наперевес кол, чёрный с заострённой стороны, и пошёл на козу. И Марька одумалась, потрусилась к сараю, волоча верёвку и оборачиваясь, чтоб показать Димке рога. А он всё норовил пнуть её покрепче.

Мимо посторонившихся Диночки, Стасика и Казимира Степановича коза протрюхала, качая выменем. А Дима, сияя и отряхивая ладони, сообщил:

– Она там такое устроила! Такое! Уродина рогатая! Счас веник возьму. Вот, Казимир Степанович, скажите, кому она нужна, Контрамарка эта? За что её любить? «Малых детушек кормилица-поилица», – пропел он, кривляясь. – Так бы и убил! Что мы, без её молока не прожили бы? Да в магазине этого молока – завались!

И он потряс в темноту кулаком.

Глава XII

Коза похозяйничала на верандочке от души: накидала везде своих шариков, съела семечки вместе с фунтиком. Уронила на пол – хорошо, не наступила – Стаськины часы, но главное, главное Димка вымел из-под кровати, собрал на совок и спросил сам себя:

– Чёй-то наша Контра стала бумагу жрать? Я ей зимой дневник давал – не ела!

Стасик смотрел на замусоленные кусочки альбомного листа, с трудом узнавая в них остатки «Распорядка»

– Это нужное или чё? – Дима смотрел на свет самый большой из клочков.

– У-у, – ответил Стасик, мельком глянув на стену, куда он думал повесить расписание, – ерунда всякая.

Последние слова получились как «лулундаякая», но Димка понял.

– Слушай, часы у тебя – «Командирские», – прочёл он, с уважением. – Они что – светятся?

Стаська кивнул.

– Ишь, ты! Дай, попробую! – Димка кинулся к выключателю.

На верандочке стало темно, зато ярко осветились цифры и стрелки циферблата.

– Даже секундошки! – восхитился Дима.

А Стасик думал: огорчаться ему или нет. Если б этот «Расписание» висел на стене, то Стасу было бы стыдно, что он его не выполняет. А тут просто гора с плеч – «Расписание» съеден злой козой Марькой. И Стас этого не хотел – так получилось. Значит, ему придётся жить по другому расписанию, по своему. Надо же как-то выходить из положения? Жаль только, нельзя спросить козу: чем же пахло от голубого моря

А Димка всё наслаждался часами.

– «Командирские», – в очередной раз с протянул он. – Дашь поносить?

– Бери.

Стаська стал надевать сандалии – ходить босиком в темноте он больше не собирался.

– Который час?

– Автобус! – вместо ответа прокричал Дмитрий и, схватив совок, выскочил из комнатки.

Не успел Стаська застегнуть вторую сандалию, как, уже с надетыми часами, вернулся Димка.

– Давай, – прокричал он, и Стас послушно потянулся следом.

Выйдя из переулочка, ребята сразу увидели освещённые окна автобуса. Пассажир в нём был один – бабушка, Валентина Николаевна. Она стояла у выхода и, держась за поручни, улыбаясь и кивая головой, разговаривала одновременно и с кондуктором, и с водителем.

– А если сказать, что мы все котлеты съели, – не спуская глаз с автобуса, предложил Димка.

– Не поверит, вон сколько их было, – ответила Дина, глядя, как бабушка прощается и спускается со ступенек.

Та не сразу заметила стоявшую под деревьями троичку. Но когда увидела и узнала, то отступила на шаг и опустила сумку на тёплый асфальт.

Тут Димка и Диночка, кинулись к ней, вопя: «Бабушка, мы пришли тебя встретить! Мы соскучились!» И заскакали вокруг.

Под напором орущих внуков Валентина Николаевна хотела отступить, но подобралась, потянула носом над их головами и спросила утвердительно:

– Хату спалили?!

– Что ты, бабушка! – враз притихли те.

– А что случилось?

– Ничего.

– Поди ж, ты! Ничего не случилось, а встретить решили. Ну-ка, домой!

И двинулась вперёд, по пути расспрашивая, как прошёл день:

– На море ходили?

– Ходили.

– Скотину кормили?

– Кормили.

– Поили?

– Поили.

– А птицу?

– И птицу.

– А козу?

– И козу.

– Все живы?

– Все.

– Все целы?

– Все.

– А борщ ели?

– Какой?

– Зелёный, – остановилась тётя Валя. – В холодильник поставлен, и яйца – рядом. Я ж тебе показывала, Дмитрий.

– Ой, бабушка, – с нежной радостью пропела Дина, – мы борщ не нашли, зато мы все котлеты съели.

Тётя Валя пошла, считая вслух:

– У меня на сковороде девять штук помещается. Я сделала три сковороды.

– Ой, ба, они такие вкусные были, такие вкусные, – лепетала девочка.

– Ещё бы, – и Валентина Николаевна двинулась на калитку, как на врага.

А войдя во двор, скомандовала:

– Тащите мне эту заразу.

Ребята, сгрудившись, молчали.

– Спрятали. Кошку паршивую выгораживаете, а родной бабушке врётё! Да ещё чужого мальчика за компанию. А ну, Станислав, иди сюда. Иди, расскажи, как дело было. Батюшки светы, Стасик!

Стас, повлечённый суровой рукой к крыльцу, никак не ожидал, что его личность произведёт такое впечатление. Валентина Николаевна схватилась за сердце.

– Да кто ж так тебя? Да где? В первый день! Да как же?

– Я в футбол. Упал, – держа рот боком и глядя умоляюще, ответил Стасик.

– Царица небесная! Дмитрий!

Тётя Валя обернулась в поисках внука. Но Димки, прихватившего бабушкину сумку, уже рядом не было.

– Смерти вы моей хотите. Как можно так в футбол играть? Как можно?! Сильно болит? – она сочувственно вглядывалась в лицо Стасика.

Тот потряс головой: «Нет».

– Иди ложись, я сейчас приду, – и повернулась к Дине. – И ты тоже. Ноги мыть и на боковую.

– А ужинать? – пискнула та.

– Ужинать? Да после стольких котлет вас неделю можно не кормить. Съели котлеты?

Ребята молчали.

– Съели. Теперь спать.

Стаська пошёл к себе, разделся и лёг, надеясь, что хозяйка закрутится и забудет о своём обещании. Но она пришла с бокалом молока и знакомой бутылочкой облепихового масла.

Стасик, боясь, что тётя Валя, увидит другие части его тела и начнёт допытываться, вцепился в одеяло и крепко держал его у горла. Но Валентине Николаевне было некогда. Она напоила Стаса тёплым молоком, причитая, смазала ему нос, губы, подбородок и, погасив свет, украдкой перекрестила маленьким быстрым крестом.

Глава XIII

Ночь была беспокойной.

Во-первых, Стасу было больно лежать – что на спине, что на боках, а про живот и говорить нечего.

Во-вторых, всю ночь его мучили кошмары. Вначале его гоняли огненные шары размером с футбольный мяч. Потом прискакали пробки от бутылок с шампанским и давай целиться. А под утро вообще привиделся кавардак. Вначале, вроде, ничего: по оранжево-горячей медленной реке к нему подплыл на лодке дед Мазай. Не летний, из автобуса, а другой, но дед Мазай, точно. Подплыл, посмотрел на Стасика, который всё боялся, что упадёт в эту страшную реку, и накинул на Стаса зипун. Стасик хотел засмеяться, но зипун вдруг ожил и начал драться со Стасом, которому и так было плохо. Кончилось тем, что зипун победил, занял всю кровать, согнав хозяина к железной перекладине. Стаська уперся в неё лбом. От холода железки ему стало легче, но главное, зипун больше не дрался. Только развалился как фон-барон, жарко грел и сопел недовольно.

Утром по верандочке раздался бодрый Димкин топот. Вынырнув головой из занавески, он сказал скороговоркой:

– Рыська пропала.

Да так и застрял в дверях:

– Эт чёй-то?!

Стаська, хоть больно было двигаться, повернулся к стенке и, ужаснувшись, чуть не свалился на пол. На него зевала огромной пастью белая безглазая змеиная голова.

– Рыська! – захохотал Дима. – Казимир Степанович, она тут!

Стаська смотрел на то, что он принял за змею, с облегчением узнавая в ней очертания обтянутой пододеяльником большой кошачьей головы с открытой пастью. Рыська же, проснувшись, выпростала мохнатую лапу и, потягиваясь, показывала коготки.

– Все к тебе, Стасик. У тебя, верно, мёдом намазано, – сказал, улыбаясь, Казимир Степанович.

Но, поглядев на Стаса, уже совсем другим голосом обратился к Димке:

– Давай-ка быстренько.

В четыре руки они прогнали прочь нахальную кошку. А у Стаса мелькнула мысль рассказать о пробках, о зипуне, но все ночные страсти показались ему неважными. Хотелось только спать.

Казимир Степанович потрогал его лоб и спросил сочувственно:

– Очень плохо?

Стас осторожненько повёл головой.

– Ладно, лежи, сейчас что-нибудь придумаем, – профессор вышел и стал спрашивать Димку о телефоне.

Затем к Стасику, светясь, как зорька, пришла Нелли Савельевна в малиновом халатике. Она заставила его принять шипучую таблетку, села на край кровати и начала рассказывать про свой нос. Ведь ей тоже довелось болеть. Стасу нужно было сходить, прогуляться, но он стеснялся, терпел и слушал. Оказалось, что в салоне, где работает Нелли Савельевна, меняли дверь. А Нелли Савельевна, при сём присутствовала и помогала советами. Но дверь вдруг упала, ударила её по носу, прямо по кончику, и он повис на кусочке кожи.

– Вот видишь, – показывала Нелли Савельевна малиновым ноготком, – вот, шрамик. Японскими иглами шили, шеф оплатил.

Она рассказывала так подробно, так занимательно, что Стаське стало казаться, что он давно знает и салон, в котором Нелли Васильевна работает, и девочек-сотрудниц, и даже их шефа Вольдемара.

Димка заглянул, оценил обстановку и убежал делово. Спустя минуту явился вновь.

– Стаська, – он кивнул Нелли Савельевне, которая начала всю историю заново, – я тебе раскладушку поставил – где Рыська лежала. Там болеть лучше.

Гостья заторопилась и откланялась. А Стасик, прогулявшись и пригубив по настоянию Димки молока, устроился на новом месте. Тут же объявилась Рыся, залезла под выгоревшую, скрипучую раскладушку, спиной потолкала Стаса, покрутилась, обживая местечко, и затихла. Димка рассказал, что Диночка уехала с бабушкой встречать маму с братишкой из роддома. А Казимир Степанович ушёл звонить – вызывать Стасику врача.

Лежать в тени под орехом действительно было приятней, чем на верандочке. Но только Стас смежил веки, как у раскладушки объявилась Нелли Савельевна – вся в нежно-салатовых тонах. Она посмотрела, поджав губы, а потом сказала:

– Я вижу, Стасик, ты хороший мальчик, домашний, воспитанный, не то, что Дима. Послушай меня – держись от него подальше, он может тебя испортить.

Стаське лень было говорить, он промолчал, но про себя возмутился: «Как можно меня испортить? Что я – овощ какой, что ли?»

– Подумай над моими словами, – весомо сказала Нелли Савельевна и ушла.

Глава XIV

Проснулся Стас от шумного разговора. В двух шагах от него, возвышаясь подъямным краном, Казимир Степанович что-то сердито выговаривал крепышу в белом халате. По случаю жары халат незнакомца был застёгнут на одну пуговицу и, закрывая шорты, выгодно подчёркивал кривизну поросших жёлтой шерстью ног.

– Как так можно? – горячился Казимир Степанович. – Я первый раз звонил – ещё семи не было. Потом звонил в десять, мне обещали, что вы вот-вот будете. А сейчас, – он посмотрел на часы, – почти час, без малого. А если б это был аппендицит или сердце?!

Крепыш спросил хрипло:

– У вас сердце?

– Нет, у меня ребёнок больной.

– Вас должны были проинструктировать.

– Да. Положить в прохладу и давать пить.

– Правильно.

– Но он спит, а я волнуюсь.

Крепыш хитро посмотрел на Стасика, подмигнул и сказал:

– А может, у него сна не хватает? В организме.

Казимир Степанович возмутился:

– Как вы смеете? Явились через шесть часов и ещё шутите!

– Не волнуйтесь, папаша, с вашим ребёнком всё в порядке. Лучше дайте водички – пока машина не придёт, я весь ваш. Во, колоночка! – и крепыш, опустив на землю пахнувший лекарствами чемоданчик, двинулся к колонке.

Казимир Степанович, не находя слов, пошёл следом. А незнакомец, не снимая халата, залез головой под струю воды, пил и плескался там, что твой гусь.

– Послушайте, вы! Вы, вообще-то, медик?

Парень, блаженно прикрыв глаза, кивнул головой, мол – «медик, медик».

– Безобразие, – кипятился профессор, – откровенное безобразие!

– Ой, гражданин, вас слушаешь – со стыда сгоришь, – фельдшер выпрямился и, сдув капельку с носа, начал снимать намокший халат. – Всё-то вы знаете – прям доктор наук, не иначе.

– А что, я неправ? – отступил Казимир Степанович.

– Правы, правы. Но и я по правилам должен иметь сколько вызовов за смену? Во, и не больше. И машина у меня должна быть нормальная.

Поднявшись на ступеньку колонки, медик стал повыше и, подчеркивая важность сказанного, держал указательный палец перед подбородком профессора.

– А я имею этих вызовов больше, в два раза. И машина по такой жаре у меня кипит. Кипит, булькает и ехать отказывается. Потому мы ездим не от больного к больному, а от колонки к колонке. А от больного к больному я хожу сам. Вот этими, – крепыш потряс сначала одной, а затем другой, – ногами.

Он вытер лицо и шею снятым халатом, встряхнул, снова надел его, а потом сунул ногу, прямо в плетёнке, под струю воды и, жмурясь, пошевелил пальцами.

– А, главное, обидно, что все вызова, все до одного – дикие, – медик поменял ноги. – Словно люди юга никогда не видели: купаются до обалдения, загорают до почернения и пьют до посинения. Мне эти отдыхающие уже вот где!

Он ткнул себя большим пальцем в правое подреберье.

– Да у меня ребёнок, – пытался возразить профессор, – он вина не пьёт.

– Уже легче, значит, промывать не придётся. И вообще, папаша, можете мне поверить: я сразу всё понял. Хотите, скажу?

Фельдшер, плюхая обувью, подошёл к раскладушке. Пощупал прохладными пальцами пульс Стасика, раскрыл ему пошире правый глаз, посмотрел внимательно, кашлянул и сказал.

– Значит, так: ребёнок не местный. Наши ещё в мае успевают облезть не по разу. Стало быть, приехал день два назад. На море был, но не перекупался, не перезагорал – это главное, то есть, жить будет. Расстройства нет?

Стаска отрицательно помотал головой.

– Чудненько. А то приезжают и дуют прямо из-под крана, а там, в нашем-то климате... – он запнулся. – Гм. Да. Читаем дальше: физиономия явно стёсанная – упал?

Стас кивнул.

– Так и запишем: летать, не научен. Где угораздило?

Стасик, стыдясь лжи, старался не смотреть на профессора:

– В футбол.

– Спортсмен, значит. Похвально. А колени у нас как? – крепыш откинул покрывало. – Естественно, и колени. Главное, что грязи и нагноения в ранах нет. Значит, надо продолжать в том же духе. Вопросы есть?

– Но он спал, понимаете, не мог открыть глаза.

– Дык, это... – фельдшер почесал мокрую грудь, – акклиматизация, знаете ли. Это не фунт изюму: бешеное количество кислорода, солнце, море, движение в неограниченном количестве. А если самолётом летел, то смена часовых поясов. Нагрузка? Нагрузка. Когда он приехал?

– Позавчера.

– Ну, вот, первый день продержался на эмоциях, а потом – всё, организм не железный. Вдобавок, ночь почти не спал. Верно гутарю?

Стасик кивнул.

– Естественно, вон какие плечи румяные. Дай-ка, я спину гляну.

Крепыш, обойдя раскладушку со стороны ног, подошёл к лежавшему на боку Стасику сзади и откинул покрывало.

– О! – голос медика изменился.

Он легонько оттянул резинку трусов Стаса, присвистнул, сказал: «Матка боска!», а потом спросил Казимира Степановича:

– Так, гражданин, кем вы приходитесь этому ребёнку?

– Я? Я отдыхающий, как и он. Его родители знают нашу хозяйку, вот и прислали мальчика. А в чём дело?

– Дело в том, что оно пахнет керосином. И раз вы человек посторонний – отойдите. Нет, лучше уйдите. Совсем. Я забираю ребёнка в стационар. И дело пойдёт законным путём. А вы идите, идите, – фельдшер выставив ладони шёл на профессора.

– Подождите. Что вы меня гоните?! – не понял Казимир Степанович.

Крепыш, глядя снизу, не сдавался:

– Я гоню потому, что вижу пример издевательства над ребёнком.

– Что? – профессор обежал раскладушку со стороны головы.

– Чего вы, гражданин, заволновались? Чего это забегали? Я, конечно, видел гематомы, но такие... Это не он играл в футбол, а им играли! И ждате я ничего не буду: вызываю милицию и пишу заключение.

– Да дайте же сказать! – рассердился профессор.

– Угу, – медик опустил на табуреточку, – давайте вашу версию.

Казимир Степанович бережно прикрыл Стаса.

– Причём здесь версия?! Его боднула вчера коза. Понимаете?

– Коза, – с издёвкой, повторил крепыш.

Он полез в карман шорт, вытащил перемятую пачку сигарет, закурил:

– Коза, значит? О-очень интересно.

– Да, коза, – и профессор рассказал вчерашнюю историю.

Крепыш курил, смотрел на Стаса, на профессора, потом объявил:

– Ладно. Пройдёмте, гражданин. Покажете мне это место и эту козу. А ты лежи; потом тоже покажешь.

Они двинулись в огород, а Стаська, понимая, что хватит ему валяться, начал потихоньку вставать. Тут как раз объявился Димка с сумкой, видно, из магазина.

– О, ты уже живой! А я тебе халву купил, бабушка сказала. А врач где? – он увидел медицинский чемоданчик.

– На огороде, с профессором, где меня Марька бодала. А то он думал, что меня побили. Димка вытаращил глаза.

– Глянь, – попросил Стас, – что там у меня?

Он повернулся спиной и оттянул трусики.

– А чё, болит?

– Болит.

– Да так, ничего. Синяк чёрный, даже два. Большие, правда.

– Ну, вот, а он милицией грозился.

– Здорово! Пошли, глянем!

Они не успели дойти до кухни, как услышали голос фельдшера.

– Ничего вы мне не доказали. Коза есть в наличии, да. Но у нас коза, а то и три – в каждом дворе. А подобных случаев не было.

– Но вы же понимаете, что теоретически...

– Понимаю, но... – фельдшер увидел Стаську. – Почему ты встал? И почему ты пошёл?

– А я вас знаю, – сказал Димка. – Вы нас весной на карантин закрывали. По этому... по как его?... По желтухе, во!

Фельдшер сощурился и, приставив Димке, палец к животу, сказал:

– Третий класс.

– Пятый, – поправил тот.

– Ну, да, тогда – третий, теперь – пятый. Значит, ты здесь живёшь?

Димка кивнул:

– Ага.

– Значит, ты свидетель?

– Ага, – Димка опять кивнул и тут же спросил придурковато: – Чего?

– Он не свидетель, он участник, – поправил профессор. – Даже соучастник. Довели животное, а у неё молоко, – он пошевелил пальцами – будто с мёдом цветочным.

– Хотите попробовать? – предложил Димка.

Медик не решался принимать угощение от такой компании.

– Холодненькое, – вставил две копейки Стасик.

И крепыш вздохнул, соглашаясь. Димка побежал за молоком, а с улицы раздался короткий автомобильный сигнал. Тут фельдшер и сказал профессору:

– Ладно, я согласен: это была коза. Но я обязан взять мальчика на снимок. Вы можете поехать с ним?

– Конечно.

– Я там и мазь вам дам от ожогов.

Он пригубил молока из гранёного стакана, посмотрел на него как на диковинку и про-изнёс:

– Действительно. Ну, идите – одевайтесь.

Казимир Степанович пошёл к себе, а Стаська задержался, поднимаясь на ступеньки. И тут... Калитка, скрипя, распахнулась и на ней, навалиясь всем телом на ручку, повисла Валентина Николаевна. Простоволосая, с белым перекошенным лицом.

– О-паньки... – сказал крепыш, не глядя передавая пустой стакан Димке.

Тётя Валя дышала сипло, рывками, а за её спиной, стораая от любопытства, таращилась и подпрыгивала Диночка.

Фельдшер сделал три огромных шага и успел подхватить падающую хозяйку.

– А я вас знаю! – пропищала Дина.

– Так, чья бабушка?

– Наша.

– Очь хорошо. Куда?

Ребята растерялись.

– Никодимыч! – гаркнул медик, и в калитке появился черноволосый и чернобородый мужчина, но не в белом, а в зелёном застиранном халате.

Он помог фельдшеру довести Валентину Николаевну до раскладушки, а тот раздавал указания:

– Полотенце – холодной водой! Чайник поставить! Грелку налить! Лёд есть – тоже в полотенце!

Раскладушка истошно заскрипела под грузным телом Валентины Николаевны, а ребята уже были на кухне.

Быстрее всех справился Димка. Он в мгновение ока достал из шкафчика два чистых полотенца, одно сунул Стасику: «Мочи». А на второе стал выбивать лёд из заиндевевшей ванночки. Между делом дал подзатыльник Дине, возившейся со спичками, зажёл газ, отправил Стаса со льдом к раскладушке и кинулся за грелкой. Ничего не понимающий, переодетый Казимир Степанович, выйдя из «бункера», смотрел близоруко и растерянно. А Димка уже тащил горячую грелку, завёрнутую в полотенце, а ещё одно – сухое, про запас, нёс, перекинув через плечо.

Тётя Валя дышала коротко и всё пыталась что-то сказать бескровными губами:

– Мотрю... Машина... Дома... Я...

– Тихо! – рявкнул фельдшер, медленно вводя ей в вену лекарство. – Пить мы захотели, вот и остановились. Нельзя ж так близко к сердцу.

Он развязал резиновый жгут и, не убирая ватки, согнул Валентине Николаевне руку в локте.

– Да у вас не внучата, а жеребята, что им будет? А вы бегаєте по солнцу. С утра не присели, поди?

Тётя Валя жалобно улыбалась из-под сползающего на глаза полотенца со льдом.

Крепыш провёл себя ладонями по лицу, словно снимал что-то чёрное, вязкое и страшное.

Кивнул ободряюще:

– Ну, что, полегче?

Валентина Николаевна, розовея на глазах, моргнула виновато.

– Вот вам урок, голуби, – повернулся медик к ребятам, – заботиться о бабушке надо, не шкродничать.

И вновь обратился к тете Вале.

– А поехали-ка мы в больницу?

Та отрицательно замотала головой.

– У нас кондиционеры. Прихожу и живу. Потом встал и пошёл. Давайте поедем?

Тётя Валя вновь замотала головой.

– А я вас знаю, – пискнула Диночка.

– Так, подожди. Вы при приступах что принимаете?

Валентина Николаевна слабо шевельнула пальцами:

– Там, в коробке, на полке, дочка купила.

– А ну-ка, – крепыш ткнул Дину пальцем в сарафанчик, – тащи бабушкины лекарства.

Глава XV

Диночка обернулась быстро, принесла жестяную банку из-под печенья, в которой абы как были навалены пузырьки, пакетики и коробочки.

– Ты что, уронила? – спросил фельдшер.

Девочка вместо ответа кивнула, вода пятернёй перед лицом

– Что там? – раздался слабый голос тёти Вали.

– Мне на голову упало всяко-разное, – капризно ответила Дина.

– Нескладёха моя, – бабушка, оторвав руку от мокрого полотенца, поправила внучке чёлку.

Поправила, посмотрела на пальцы, провела ладонью сильнее и закричала в голос:

– Доня, донечка, что с тобой?

Диночка, услышав бабушкин крик, затопала ногами, замотала головой и заголосила:

– А-а-а!

Фельдшер оторвался от коробки и смотрел, недоумевая, как Валентина Николаевна, с причитаниями, трёт мокрым полотенцем голову и плечи Дины. И на нём пугающе-ярко появляются бордово-чёрные полосы.

– Деточка, где болит?

– Бабушка!

Медик не выдержал. Отставил коробку, сделал свой замечательный шаг и только хотел повернуть к себе девочку, как вскрикнул, закрутил руками и дёрнулся так, что чуть не рухнул вперёд, поперёк Валентины Николаевны. Отшатнулся, вроде, устоял, но, неуклюже качнувшись назад и взмахнув полами халата, с размаху сел на землю. Тут только Стасик и увидел четыре мохнатые лапы. Лёжа на боку под раскладушкой и ухватив-притягивая передними голую ногу фельдшера, Рыська драла-отталкивала её задними.

– А-а-а! – басил фельдшер.

– А-а-а! – вторили ему бабушка и Дина.

Стасик и Казимир Степанович опешили, лишь Димка не растерялся, нырнул под раскладушку с другой стороны, ухватил Рыську там, но вытащить не мог.

Положение спас Никодимыч, который стоял, подпирая ворота. Он наклонился, поднатужился и сдвинул на сторону всё лежбище вместе с бабой Валей, Диночкой и Димкой, который, хоть и запутался в ножках, но держал-таки озверевшую кошку поперёк спины.

Вросшая в землю раскладушка поддалась не сразу, а после хороших толчков. Она сдвинулась неожиданно резко, так, что Никодимыч потерял равновесие, и приземлившись на руки, встретился со зверем нос к носу. Тут Рыська совсем ошалела. Она вывернулась из Димкиных рук, оскалилась, прижала уши, подняла когтистую лапу и выдохнула гортанно: «Кхе-к!» Во дворе воцарилась тишина, лишь только Дина тянула носом. Но Димка вновь рванулся и подмял под себя рысь. Зверушка мявкнула, вновь выскользнула и кинулась в бега, не поднимая прижатых ушей.

– Ничего себе, – поднялся Никодимыч, потирая колени. – Пряма целый лев! Она меня хотела! – он провёл рукой. – Подрать!

Димка попытался успокоить его:

– Вы не бойтесь, она ещё маленькая.

– Маленькая! Когти по метру! – шофёр передёрнулся.

– Ладно, шеф, не шуми. Будет, что вспомнить. Зверь как зверь, царапучий только, – не вставая с земли, фельдшер плюнул на палец и пошлёпал по царапине на ноге. – Ты что, не слышал: говорили, что здесь, под горой, у кого-то рысь живет? Я сам нарвался, видел же её. А она хозяйку защищала, а то ходят тут чужие ноги.

– Дина, дай дяде доктору зелёнку, – прошептала тётя Валя.

– Во! – фельдшер с улыбкой посмотрел на Диночку. – Верно, зайка, дай дяде доктору зелёнку, не всё ж ему других лечить, пусть он и себя полечит. А то у дяди доктора ножка будет болеть и отвалится. Тьфу ты, как жжётся!

Медик рисовал себе на ноге точки, чёрточки, полосочки, дул и приговаривал:

– А если у дяди доктора ножка отвалится, то ему придётся к больным на одной ножке прыгать – прыг-скок, прыг-скок. А тебе жалко дядю доктора? – проникновенно спросил он Дину.

Девочка же, улучив момент, в очередной раз выпалила:

– Я вас знаю! Вы Насти Тихомировой приёмный папа.

– Умница. Самый что ни на есть «приёмный». Держи, – медик вернул Диночке пузырёк. – Только дай, я тебя осмотрую. Чего вы тут с бабушкой шумели?

Дина, вспомнив о себе, надула губки. А крепыш придержал её за локотки, посмотрел, прищурившись, так и этак, и спросил:

– Говоришь, коробку с лекарствами на себя опрокинула? А там марганцовочка была? А как же! Была. Вот он, хрусталик, а вот ещё, и вот, – фельдшер тыкал пальцем. – Ну, значит, что? Анамнез мой будет такой: иди-ка ты, солнышко, под душ, помойся. Вот, давай, отряхнёмся хорошенько, и иди. До чистой воды. Оп-ля!

Он легко поднялся и направил Диночку в сторону огорода, но она не хотела уходить.

– Ну, – фельдшер подбоченился, стал даже повыше, посмотрел из-под пшеничного чуба вокруг и произнёс тоном зазывалы:

– Кого я ещё не лечил – подходи!

Тётя Валя и профессор ответили в один голос:

– Остальные здоровы, большое спасибо.

– Ой, хлопчик, ты лучше к нам просто так заходи, в гости. Я пироги послезавтра поставлю.

– Пироги? Какие пироги? Вы что, шутите? Пироги отменяются, я вас забираю в больницу. Пироги!

Возмущаясь, фельдшер делал большие глаза.

Тётя Валя ухватила за раскладушку.

– Это же ни в какие ворота – пироги!

– Да ты что, сынок, у меня внуки, на днях ещё один, да огород, да коза.

– О чём я и говорю: здесь вы не лежите и двух дней, знаю я этих бабушек – с пирогами и козами! А у нас хорошо. Полечим, поколем – процедуры, витамины, то, сё.

– Нашёл, чем сманить! Да у меня этих витаминов целый огород – знай, потребляй. Вот буду, **рачки** ползать – тогда и забирай. А сейчас – нет. Уколы если – у меня соседка колет.

– Вам полежать надо, отлежаться. Не шутка ведь – такое состояние, – фельдшер уже не командовал, а уговаривал.

Баба Валя отмахнулась расцвеченным полотенцем:

– Да ты шо?! Сказився? Я в казённом доме больше изведусь. Невелика барыня. Старое дерево скрипит, да не валится, а молодое пошумит и ломается.

– Да не могу я вас после приступа оставлять.

– А ты через «не могу». Не бойсь, я крепкая, неча боки отлёживать. Ты напиши, шо надо колоть, я завтра внука в аптеку зашлю иль хоть сёдня. Мне соседка всё сделает, она тут в проулке всех лечит. Деда моего до конца смотрела, всю жизнь медсестрой.

Фельдшер прищурился:

– Как зовут?

– Моисеевну-то? Да ты её не застал, она лет десять как на пенсии. Меня на три года старше. Но всё помнит: и язык ваш, и дела, какие надо. На врача училась. Да не сложилось чего

то, после войны дело было. Пиши рецепт. Если надо, я те бумагу подпишу, что отказываюсь в больницу – я законы знаю.

Фельдшер нехотя полез за бланками, но вспомнил, что Казимир Степанович и Стаська должны поехать с ним, остановился.

– Зайдём в аптеку, всё подберём.

Димка, услышав о поездке, запросился в компанию. С разрешения бабушки его взяли.

Довольные приключением, мальчишки поспешили забраться в старую, пропахшую пылью и железом, «скорую помощь». Но тут объявилась Нелли Савельевна и заговорила так, будто кругом война, а ей надо передать донесение.

– Профессор! Казимир Степанович! Вы в город? Какое совпадение! Просто прелесть, какая удача! Я сама хотела, а тут вы! Представляете! На пляже у женщины – смотрю – новый журнал мод! Вышел! Я вас очень прошу, профессор, она купила его в киоске, на автостанции.

Казимир Степанович, возвышаясь скалой над говорящей без умолку Нелли Савельевной, провёл рукой от стриженного затылка к подбородку и обратно, вклинился меж фраз и быстро спросил:

– Как название?

Нелли Савельевна помолчала секунду:

– Я вам сейчас пятый номер принесу. В киоске покажете, – и, не дожидаясь ответа, поспешила во двор.

Казимир Степанович виновато посмотрел на фельдшера, курившего у кабинки.

– А вы что, профессор? – спросил тот.

– Профессор. А вы поляк? – не остался в долгу Казимир Степанович.

– Нет, я здесь родился. Это у матери, говорят, бабушка полька была. А что?

– Да так.

Профессор полез к ребятам в душное нутро фургона. Посидел на твёрдой скамеечке и забрал Стасика себе на колени:

– Всё поудобнее тебе будет.

Колени занимали всю ширину прохода; на них мог поместиться ещё и Димка. Стаська поёрзал – было не намного мягче, но обижать Казимира Степановича постеснялся.

А шофёр, передёрнувшись всем телом, завёл машину.

– Ой, Вадим Никодимович! Ты, прям, как девица красная, – притворно возмущался фельдшер. – Неужто испугался? Здоровый мужик, борода лопатой.

– Я? А ты себя слышал, когда кричал? Как Боже мой! Я испугался. А борода... Что борода? Сам знаешь, зачем борода – не с кошками же воевать.

– Ну, мне кажется, ты её очень впечатлил. Она, бедная, подумала: во, лохматая морда! Лицо, то есть. И – дёру. Ей же вовек не осилить, зачем ты такое нарастил. Да что ей – профессору, и то не понять.

– Действительно, зачем, Вадим Никодимович? Жарко же.

– Чтоб курить бросить.

– Что-о?

– Чтоб курить бросить.

– А помогает?

– Мне помогает.

– Представляете?! Мудёр, голова! Кулибин, Ползунов, братья Черепановы! Я, как узнал, день в себя прийти не мог. Самое забавное, что он действительно ведёт здоровый образ жизни, не курит и всё такое. Это у нас-то, где в каждом дворе – винзавод!

– А-а-а, потому что неудобно, – догадался профессор.

– Ну-у, – подтвердил Никодимыч.

Мягко тронув с места, он, ловко перебирая баранку, развернул машину к асфальту.

– Где она, мамзелька ваша? Нам же на гору ещё.

Тут калитка отворилась, и Нелли Савельевна, сверкая свежей блузкой, пошла к ним, неся скрученный в трубочку журнал. Похоже, ей хотелось ещё что-то рассказать, но Никодимович через окошко забрал журнал и нажал на газ.

– Эх, жаль, дождей давно не было.

– Шофёр ты, Никодимыч, и шутки у тебя шофёрские, – заключил медик. – Я-то хотел сказать, что ты прекрасный водитель и очень человечный человек.

– А зачем на гору? – поинтересовался Казимир Степанович.

Фельдшер, подпрыгивая на выбоинах, повернулся вполборота:

– Представляете, приезжает образованный человек, инженер, с молодой женой в свадебное путешествие. И начинает нырять в незнакомом месте. А там камни. Хорошо хоть не головой хряснулся – плечом. Вот я и продел ему скалку меж локтей, за спиной, да привязал. Потому что предполагаю перелом ключицы. И знаете, каждый второй вызов такой. Аж зло берёт! Называется – люди приехали отдохнуть!

– Как вас зовут, молодой человек? – ни с того, ни с сего спросил медика Казимир Степанович.

– Дмитрий, – всё ещё сердитый на отдыхающих, бросил, отворачиваясь, фельдшер.

Димка расцвёл и покрутился, довольный. Словно в том, что медик оказался ему тёзкой, была его заслуга.

Выехали на асфальт, стало меньше трясти. И тут Никодимыч изрёк с чувством:

– Вот вы думаете – я испугался? А я так – в сумме, как говорится. Ведь мало пожилой женщине скотины, огорода, внуков, дак ещё зверь.

Пытаясь донести свою мысль, шофёр делал левой рукой круговые движения.

– И это не просто жуть – это, как говорят, жуть египетская, во!

И рука его, найдя точное положение, застыла с поднятым вверх указательным пальцем.

– Это тьма бывает египетская, – успокоил водителя-философа медик Дмитрий. – А здесь всё просто: благослови зверей и детей. Правда, профессор?

Глава XVI

Фельдшер Дима как в воду глядел: Валентина Николаевна добросовестно вылежала только сутки, а на вторые, с утра, занялась готовкой. К вечеру ожидалась гости. Потому она два раза гоняла мальчишек в магазин: за мукой, хлебом, маслом и творогом. А третий раз, перед приездом Дининых родителей, вообще впустую – за лавровым листом. Стасик сам видел: целый веник этого листа висел на кухне, а тут пропал. Димка сгоряча принялся искать, перерыл буфет, залез на полки – как сквозь землю. Веник укропа висит, а этого нет – пришлось идти.

Пока они ходили, гости уже собрались за длинным столом, под навесом. С торца, сияя, как просватанный, сидел худощавый и смешливый молодой человек. Слева от него разместились незнакомые Стасу, но похожие друг на друга мужчина и женщина с поджатыми губами на недоверчивых красных лицах. Разница была лишь в том, что мужчина был полноват, а женщина сухощава. Увидав эту пару, Димка вдруг свел выцветшие брови, отдал бабушке лавровый лист и пошёл напрямиком в огород.

– Так, – словно «квак», раздался голос «недоверчивого», – нас не хотят видеть.

– Что вы, что вы! – донеслось весело с торца. – Это вам кажется!

Валентина Николаевна, машинально сунув в карман пакетик, ушла за Димкой, Стасик же остался один и оглянулся растеряно. Сверху, на толстом шнуре, спускалась к столу матовая электрическая лампочка, вокруг которой уже плясали мошки. Предвечерний свет, сливаясь с молочным электрическим, придавал приятный глазу, но нереальный, сказочный вид всему застолью.

Тут профессор, сияя серебряной головой, подмигнул Стасу и приглашающе похлопал по скамейке рядом. Но Стаську задержал весёлый молодой человек. Щедро дыша ароматами вина и салата с луком, он приподнялся, ухватил Стаса одной рукой, а другую накрест протянул для знакомства.

– Аркадий, – пальцы его были сухие и горячие.

Стаська, засмутившись, назвал себя.

– Не слышу! – с силой дыхнул новый знакомый. – Говори громче! Ты ж мужчина.

– Аркадий Михайлович, – мягко вмешался профессор.

Стасу хотелось провалиться сквозь землю. Он не любил нетрезвых, но ещё больше не любил, когда на него смотрит много людей. На выручку пришла тётя Валя. Выводя-подталкивая из огородного небытия Димку, она специально громким голосом объявила всем сидящим:

– Прошу к столу, гости дорогие!

– Мы можем уйти, – пробурчал «недоверчивый».

Тётя Валя, придерживая одной рукой Димку, другой сердито махнула на сказавшего, словно хотела закрыть ему рот или прихлопнуть целиком. Усадив-утолкав внука, она двинулась на Аркадия, забрала у него Стаську, посадила к Диме и загородила обоих своим телом.

– Мать! – пронеслось над столом. – Какая у нас мать!

– Ша! – коротко отрезала хозяйка и, не теряя времени, начала управляться с ребячьими тарелками, накладывая в них закуски и салаты.

Она успевала перекинуться словом с профессором, что-то предложить «недоверчивой» паре, осадить Аркадия, который полез к ней, целоваться. А между делом всё обращалась в наплывающие сумерки:

– Люся! Ну, что ты копаешься!

– Иду, мама! – отвечал ей женский голос, приглушенно, как из тумана.

А следом пронеслось: «Филичка, маленький!» Это пискляво провонила Дина, тоже находящаяся где-то там.

– Господи, а пироги! – подхватила тётя Валя.

– Сядьте вы, в конце-то концов, – остановил её профессор. – Где пироги – в духовке?

– Да что вы! На столе. Полотенцем покрыты.

Профессор мотнул головой ребятам: пошли.

– Филичка, маленький! – звенело им в след.

Румяные да пышные пироги и пирожки под вздох восхищения были поставлены на стол. Нелли Савельевна, которая в честь праздника была в чём-то сиреновом с блёстками, сделала доброе лицо:

– Такую красоту даже портить жалко!

– Пироги не виноваты, это дрожжи плоховаты, – ответила польщенная тётя Валя и тут же прервала себя. – Люся! Ты скоро?

Вместо ответа раздалось кислое «иу», и все затихли. Стало слышно, как зуммерит в лампочке спираль. А Рыся, неотрывно следящая за продуктами на столе, повела ушком.

– Филечка, маленький!

– Люся! Ну, спит же! – тётя Валя уже держала в руке налитый бокал.

Люся не появлялась.

– Ладно! – переждав секунду, скомандовала хозяйка. – Пока она там возится... Давайте. Пусть парень растёт нам на радость, всем на удивление.

– Мать! Я тебя люблю! – сказал Аркадий Михайлович, прикрыв глаза, словно собирался запеть. – Ты думаешь, я пьян? Нет, я счастлив. Потому что мне хорошо.

– Закусывай, – ответила ему тётя Валя.

– От тебя! Всё! До дна!

– Филичка, маленький!

– Мастерца ты, Валентина, – «недоверчивая» разлепила сухие губы, она мяла пальцами пирожок.

– Была бы мучка – не дрогнет ручка.

– Так и поверю! Скрываешь рецепт-то.

– Ничего мудрёного – рук жалеть не надо, – с лёгкой обидой ответила Валентина Николаевна.

– А вкусные-то, вкусные.

– Филичка, маленький!

– Добра жалеть не надо. Люся!

– Иду, мама, – и молодая женщина с такими же, как у Дины, волосами и вздёрнутым носиком, смущённо улыбаясь, вышла к столу.

– Филичка, маленький! – неслось на той же самой душераздирающей ноте.

– Не своротит? – спросила коротко тётя Валя дочь.

– Не должна, – и женщина посмотрела в виноградник, словно оставила там кусочек собственной души.

Она рассеяно провела рукой по спинам Стасика и Димки и присела с краешку, около Нелли Савельевны.

– Филичка, маленький!

– Я предлагаю поднять бокалы за бабушку, – предложил профессор. – Пусть она будет здорова!

– До дна!

– Ни-ни, – остановила всех тётя Валя. – Куда торопиться?

– Филичка, маленький!

– Вечер длинный, вина много – успеем. Да и внуки у меня не каждый день рождаются. Причём, у меня тут не один новорожденный, а два! Давайте ещё раз за младшего, а потом – за старшего!

– До дна!

– Филичка, маленький!

Так неожиданно для Стаськи выяснилось, что Димин день рождения пришёлся на день его приезда. Потому празднование перенесли. Больше всех хвалили Диму бабушка и профессор, даже Нелли Савельевна назвала его хозяйственным казачком, а тётя Люся, Динина мама, – настоящим мужчиной. «Недоверчивые» ничего доброго не сказали, лишь женщина, прошептала о ком-то себе под нос: «Хорошо, когда все внуки твои, не подкидыши». Её услышали только Стасик да тётя Валя; она смежила веки и улыбнулась:

– У меня самые лучшие в мире внуки.

Димка в этот момент был занят. Казимир Степанович дарил ему «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна. А потом, вызвав дочь из темноты, дарили ласты и маску для плавания Динины родители и Дина. Но самый главный подарок был от отца: из комнаты Нелли Савельевны самой Нелли Савельевной торжественно был выкачен новенький – с рифлёными шинами, ручным тормозом и другими прибабасами – велосипед.

Димка был огорошен, завален, убит. В отличие от Стаса, он не стеснялся, а только ворочал глазами, смеялся и расчёсывал комариный укус на щеке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.